

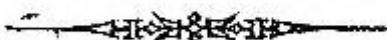
*Истории о бородавке
бывшему*

ОЧЕРКИ
от автора
действий Казани.

1877. Июн. 19

СОСТАВИЛЪ

Протоиерей Казанской Кремлевской во имя Спасителя
Церкви Платонъ Заринскій.

КАЗАНЬ.

въ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1877.

Цензурою дозволено. 24 Мая 1877 г. И. д. Казанского Отдѣльного Цензора С. Шпилевскій.

ОЧЕРКИ ДРЕВНЕЙ КАЗАНИ.

І.

Казань во второй половинѣ XVI вѣка.

Въ текущемъ году, 31 іюля въ Казани предполагается открыть четвертый Археологический Съездъ. Въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ на рѣшеніе предполагаемаго Съезда, поставлены слѣдующія три вопроса: «На сколько возможно восстановить слѣдующія подробности топографіи города Казани во время осады ея войсками царя Иоанна IV: а) мѣсто, гдѣ находилась татарская крѣпость, в) предѣлы городскихъ татарскихъ поселеній, г) мѣста, гдѣ стояли осаждающіе?» Предполагаемый нами рядъ статей имѣеть цѣлью прямо или косвенно рѣшить эти вопросы, на сколько возможно это сдѣлать на основаніи извѣстныхъ доселѣ письменныхъ документовъ и тѣхъ немногихъ указаний, которые представляетъ современная топографія г. Казани. Нѣть никакого сомнѣнія, что поставленные выше вопросы имѣютъ большую важность. Значеніе ихъ не только мѣстное, но и общее, историческое. Всѣ доселѣ извѣстныя описанія послѣдней осады и взятія Казани, начиная съ художественного описанія Карамзина, которое такъ поражало наскѣ въ дѣствѣ, грѣшать отсутствиемъ опредѣленности. Авторы при описаніи взятія Казани, идутъ, какъ-будто, ощупью, ограничиваясь простою церифразировкою лѣтописи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ незамѣчая ея противорѣчій, происходящихъ отъ ошибокъ

переписчиковъ. ⁽¹⁾ При описаніи самого штурма Казанской крѣпости это смѣшнѣе понятій, это отсутствіе яснаго пониманія плана старой татарской Казани еще болѣе замѣтно: пани и татарскыи войска будто двигаются, гдѣ-то схватываются, ~~и~~ ступая другъ другу на гиди земли, и все это вдругъ ~~обличивается~~ известныиъ взглазомъ Воротынского, что Казань взята. Всѣ доселѣ известные намъ планы древней Казани поражаютъ насть по-большей части явными противорѣчіями, отсутствіемъ достаточныхъ основаній, по которымъ тѣ или другія мѣстности внесены въ черту города. Такъ одинъ изъ составителей плана древней Казани, при возстановленіи очертанія древней городской стѣны, взялъ за единственное основаніе направление крестныхъ ходовъ, установленныхъ въ XVII вѣкѣ, по случаю моровой язвы, при которыхъ обходять городъ въ два раза съ иконою Смоленской Божіей Матери, приносимой ежегодно 26 июня въ Казань изъ Седміезерной Пустыни. Еще доселѣ вопросъ: входилъ ли Булакъ въ черту древней Казанской крѣпости? — остается вопросомъ открытымъ. Доселѣ мы не можемъ определить вѣрно положеніе многихъ воротъ Казанской татарской крѣпости, — не въ состояніи указать вѣрно мѣста и направленіе подкововъ, которые были взорваны 2 Октября 1552 года. При существованіи такихъ пробѣловъ, ясное пониманіе осады и взятія Казани, очевидно, невозможно, и по неволѣ приходится повторять слово иъ слово одни лѣтописныя сказанія, составленныя иногда въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ Казани, по-слуху, а иногда спустя долгое время послѣ самой осады.

Приступая къ решенію предложенныхъ Съезду вопросовъ, мы считаемъ необходимымъ составить прежде всего ясное представленіе о планѣ русской Казани, возникшей на развалинахъ татарской въ XVI вѣкѣ. Положеніе этой новой христіанской Казани было такъ же осадное; оборонительное, какъ и Казани татарской. Въ 1552 году Казань татарская пала, по этимъ далеко еще не окончилось при-

⁽¹⁾ Таково известное смѣшиваніе при описаніи Казанской осады: Арскихъ воротъ съ Царскими, Тюменскими съ Ногайскими.

ведеіе всей окрестной страны «подъ Русскую державу». Со взятием Казани только перемѣнились роли: теперь не мы угрожали татарской столице, а татары начали серьѣзно угрожать русской Казани, которая такъ внезапно сдѣлалась твердымъ оплотомъ нашего поступательного движения на востокъ, среди чуждаго и враждебнаго намъ ипородческаго элемента бывшаго Казанскаго царства. И дѣйствительно, съ послѣдняго Казанскаго погрома, мы принуждены были подавлять нѣсколько разъ восстания въ побѣжденномъ краѣ. (1) Такимъ образомъ въ первое время послѣ Казанскаго взятия положеніе Русской Казани было оборонительное. Древняя татарская Казань считалась сильною крѣпостью, по своему положенію на горѣ и среди болотистой мѣстности. Татары были твердо убѣждены, что ее нельзя взять посредствомъ правильной осады, а можно было захватить лишь въ расплохъ, что и удавалось не разъ русскимъ войскамъ до послѣдней осады. (2) Во время послѣдней осады татары твердо надѣялись, что и на этотъ разъ осада окончится ничѣмъ, что русскимъ ни въ какомъ случаѣ не удастся взять ихъ юртъ. Такимъ образомъ русскіе, взявшіи Казань, по необходимости должны были воспользоваться точно такъ же, какъ и татары, выгодами казанской мѣстности и ограничить городъ тѣмъ же пространствомъ, какое занимала татарская Казань, какъ крѣпость. Въ слѣдствіе этого новое населеніе Казани должно было такъ же скученно размѣститься за казанскими стѣнами, и никакимъ образомъ не разширять стѣнъ, чтобы не увеличить линіи защиты. Вотъ почему мы думаемъ, что если бы намъ удалось восстановить планъ русской Казани въ началѣ 2-й половины XVI вѣка, то мы бы имѣли возможность почти

(1) Въ Исторіи Щербатова собраны всѣ летописныя сказанія о возмущеніяхъ народовъ бывшаго Казанскаго царства. См. Щербат. Иоаннъ V(Грозный) стр. 406 и далѣе.

(2) Въ 1530 году, при Великомъ Князѣ Василіѣ Ивановичѣ, князь Иванъ Бѣльскій и Михайло Глинскій, захватили ночью Казанскій острогъ, благодаря оплошности татаръ. Каз. Ист. стр. 66....

достовѣрно опредѣлить планъ татарской Казани, по крайней мѣрѣ—имѣть весьма близкое понятіе о ея предѣлахъ.

Этому нашему желанію (возникшему въ началѣ 60-хъ годовъ, при первомъ ознакомленіи съ подлинными сказаніями о Казанской осадѣ)—имѣть подъ руками описание Казани 2-й половины XVI вѣка, пришлось осуществиться самымъ неожиданнымъ образомъ. По смерти покойнаго Капит. Иванов. Невоструева, было прислано въ Казансскую Духовную Академію обширное извлеченіе изъ Казанскихъ Писцовыхъ книгъ 1566—1568 годовъ, подъ заглавіемъ: «Выписка изъ Вотчинного III Архива. Писцовая вѣнигра г. Казани съ уѣздомъ 1566—1568 г. Общ. № 556. Частн. № 404. Книга писана окольничимъ Никитою Борисовыムъ да Дмитріемъ Кикинымъ, 7074, 7075 и 7076 годовъ». Знакомство съ этой рукописью, которую предположено напечатать въ Казанскихъ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ, дало намъ довольно ясное понятіе о планѣ Казани шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка, а равно и о внутренней жизни нового русского города. Къ сожалѣнію, Писцовая книга подверглась значительной порчѣ: начало и конецъ ея потеряны и, какъ помѣчено въ позднѣйшее время на поляхъ рукописи, «листы изотмыли». Равно въ срединѣ подлинной рукописи недостаетъ нѣсколькихъ листовъ, наконецъ извлеченіе изъ книги сдѣлано съ извѣстной специальной цѣлью—показать мѣстоположеніе древнихъ Казанскихъ монастырей, соборовъ и церквей, опредѣлить ихъ украшенія, утвари, ризаицу,—денежное довольство и натурой отъ казны состоявшему при нихъ духовенству,—различные угодья и населенныя мѣстности, приписанныя къ церквамъ и монастырямъ. Не смотря на это, Писцовая книга даетъ много очень интересныхъ данныхъ, которыхъ мы и изложимъ въ настоящемъ очеркѣ,

II.

Характеръ мѣстности, на которой была построена Казань.

Луговой берегъ Волги, гдѣ въ нее впадаетъ рѣка Казанка или, какъ ее прежде называли, Казань-рѣка,

представляетъ низменную равнину, длиною около 10-ти и шириною болѣе 6-ти верстъ. Равнина эта съ сѣверо-востока ограничивается цѣпью невысокихъ горъ, которыхъ оканчиваются, достигнувъ, въ прямомъ направленіи, до лѣваго берега Казанки. Крайня оконечность этой горной цѣпи къ сѣверу оканчивается горю, весьма значительной высоты, отдѣлявшимъ въ XVI вѣкѣ довольно глубокимъ оврагомъ. На этой горѣ стояла Казанская цитадель, а ближайшая къ этой цитадели, гористая мѣстность занята была городомъ Казанью. Вся Казанская горная цѣпь, не исключая горъ, занятыхъ городомъ, была изрѣзана оврагами, измѣнявшими свой видъ и направление ежегодно отъ весеннаго таянія снѣговъ и отъ происходящихъ отъ этого таянія и отъ проливныхъ дождей потоковъ. Причиною промоинъ и обваловъ была отчасти глинистая и отчасти песчаная почва самихъ горъ, удоборазмываемая напоромъ весеннихъ и атмосферныхъ водъ. И до сихъ поръ ежегодно, послѣ каждого ливня, мы бываемъ свидѣтелями разрушенія мостовой на Казанскихъ городовыхъ спускахъ близъ Гостиного двора, на Петропавловской улицѣ и около Университета. Мы хорошо поймемъ характеръ Казанской мѣстности въ XVI в., которому неизнакома была каменная мостовая, если присмотримся къ мѣстности Казанскихъ кварталовъ на 1, 2 и 3-й горахъ. Намъ понятно будетъ, почему въ Писцовой книгѣ г. Казани 1566 года нѣкоторые улицы и переулки характеризуются словами: *на горѣ, подъ горою, за врагомъ, на вымѣль, на щели, надъ боеракомъ и т. п.* (1) Съ другой стороны эта глинистая почва, на которой расположилась Казань, въ слѣдствіе свойства глины—нескоро пропускать сквозь себя воду, была причиной того, что въ XVI вѣкѣ Казань плавала въ грязи. Въ ней существовали историческія лужи, никогда непросыхавшія. Въ Писцовой книгѣ встречаются выраженія: *да дома стоять противъ лужи...*

(1) Вотъ подлинныя слова Писцовой книги: «Да до боерака 9 дворовъ, да надъ боеракомъ два двора...да переулкомъ направо по обѣ стороны къ Вздвиженю 7 дворовъ, да противъ лужи 3 двора....да въ Арскую улицу, за врагомъ два двора».

Самая Казанская долина, въ большей своей части затопляемая разливомъ Волги и Казанки, состояла, какъ и нынѣ, изъ илистаго напоса, изрѣзана была протоками и ручьями, изъ которыхъ протокъ Ичка былъ настоящей рѣкою, и изобиловала топкими болотами. Послѣ весеннаго разлива и въ осенне время мѣстность къ сѣверу и сѣверо-западу отъ Казани, за Казанкою, представляла сплошное болото. ⁽¹⁾ Точно такой же илистый напось представляла собою мѣстность, лежавшай около Чернаго Озера, какъ это обнаружили раскопки въ 1874 году, при прокладованіи по Казани водопроводныхъ и газовыхъ трубъ. Такою же почвой отличаются мѣстности, гдѣ нынѣ лежитъ Забулачье и Засыпкина улица. По всей вѣроятности, въ давнее время всѣ эти мѣстности понимались водою, и лишь съ течениемъ времени, въ слѣдствіе напосовъ во время половодья, сдѣлались возвышенными.

Гора, на которой стоитъ вынѣшній Казанскій Кремль, отдѣлена была отъ остального города глубокимъ оврагомъ. Это-знаменитый въ лѣтописяхъ взятія Казани Тезицкій оврагъ Царственной книги, называемый у Курбскаго Тешицкимъ рвомъ, «по нашему, добавляетъ Курбскій, «купецкимъ». ⁽²⁾ Название этого рва или оврага до сихъ поръ трудно поддается словоизводству. *О тезикахъ Казанскихъ* говорится въ Казанской Исторіи: «И посылаетъ изъ града Казани храбрый стратилатъ, Киль Михайло Ивановичъ Воротынскій, глаголя: преславный великий царю! Божію милостію и твою храбростію побѣда уже совершила; во градѣ Казани все побѣни быша, въ палатахъ и въ погребахъ несметное и неисчисление богатство взято, такожде и пльна княгинь и мурзинъ и тезичиныхъ женъ и просто рещи. отъ великихъ до простыхъ много множество держимо бѣ. Что о сихъ размыслить твоя царская держава?» ⁽³⁾

⁽¹⁾ Курбскій, стоявшій съ своимъ отрядомъ за Казанкою, разсказываетъ о Казанской пизменности такъ: «случилось намъ стоять на мѣстѣ, въ равнинѣ, на лугу, между великими блаты». Курб. 24 стр.

⁽²⁾ См. Царств. кн. 306; Сказ. Курб. 31.

⁽³⁾ Каз. Исторія стр. 245.

Производятъ это слово (напр. Вельминовъ-Зерновъ) отъ слова *Таджикъ*, которое произносится и *Тазикъ*. Таджиками и нынѣ называются коренные жители Средней Азіи, сарты, говорящіе персидскимъ языкомъ, въ противоположность узбекамъ, позднѣйшимъ пришельцамъ, говорящимъ по-татарски. Можетъ быть, название Тезицкій «купческій» происходитъ отъ испорченного слова *Тайджаръ*, купецъ?—⁽¹⁾ Тезицкій ровъ или оврагъ шелъ паралельно юго-восточному фасу выиѣнного Казанского Кремля, гдѣ расположены Спасскія ворота. Въ Писцовой книгѣ читаемъ, при попечномъ измѣреніи Кремля: «а поперегъ межъ Преображенскихъ и Никольскихъ воротъ отъ городовые стѣны, отъ круглыхъ деревянныхъ башни, по Тезицкому врагу, до другія городовыхъ деревянныхъ стѣны, до Дмитріевскихъ воротъ и т. д.» Съ этимъ совершенно согласно показаніе Курбскаго. ⁽²⁾ По соображенію съ указаніями Писцовой книги и по оставшимся слѣдамъ, этотъ оврагъ, начинаясь отъ Булака довольно узкимъ проходомъ, шелъ по Ивановской горѣ, между выиѣннымъ домомъ Городскаго Общества и Кремлемъ, все болѣе и болѣе расширяясь и сливаясь съ низменностью, которая простиралась отъ мѣстности выше Чернаго озера въ оканчивалась около мельницъ, позади Засыпкиной улицы. Въ этомъ мѣстѣ обѣ горы, на одной изъ которыхъ стоитъ Кремль, а на другой находится Пятницкая церковь, сходились очень близко и оканчивались узкой балкой, съ крутыми боками, которая доходила до Казанки. Это балка называлась «щелью» и здѣсь существовали въ XVI вѣкѣ потайные ворота къ рѣкѣ Казанкѣ, называвшейся «на щели». ⁽³⁾ Въ низменности, начинавшейся съ крайнихъ

⁽¹⁾ Въ арабскомъ лексиконѣ Менинскаго есть слово *tagir*, во множествѣ *tüggiar*, Mercator. Кто знаетъ, какъ russkie коверкали татарскія слова, не удивится, что это слово у russкихъ перешло въ Тезикъ или Тешикъ.

⁽²⁾ «А поперегъ (Казани), аки въ половину мѣста (города), отъ стѣны Булака, ажъ до дольнія части мѣста ровъ немалый.» Курб. 38. Курбскій говоритъ дѣсь, какъ видно по контексту, о Тезицкомъ оврагѣ.

⁽³⁾ На планѣ Фонъ-Каница, подлинникъ котораго

предъловъ Черно-Озерского сада и оканчивавшейся около Казанки, существовала въ XVI вѣкѣ цѣлая система прудовъ или «озерковъ» съ весьма слабымъ течениемъ, уровень которыхъ все болѣе и болѣе понижался. Выше всѣхъ лежало «Бѣлое озерко», находившееся въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ гостинница Ожегова. Еще во времена ИМПЕРАТОРА Павла Петровича здѣсь существовало озерко съ проточнouю водою, годною для употребленія. Ниже этого озера лежало верхнее Поганое Озеро или Банное, гдѣ нынѣ находится небольшой садикъ, противъ Чернаго Озера. Еще ниже, противъ Пятницкой церкви (тогда называвшейся церковью Николы-Зарайскаго) было еще «нижнее Поганое Озерко». Въ Писцовой книгѣ мы читаемъ слѣдующее описание первыхъ острожныхъ воротъ. «Ворота острожныя (безъимянныя) выше Воскресенскихъ городовыхъ воротъ, противъ нижняго Поганова Озера близко Николы Чудотворца Зарайскаго....» ⁽¹⁾

При подобномъ представлѣніи Казанской мѣстности, понятно будетъ описание Казани очевидца и дѣятеля Казанской осады, Курбскаго, а именно: «того мѣста (т. е. города Казани) двѣ части, яко на равнинѣ, на горѣ «стоять, третья часть зѣло удольна, аки въ пропасти, а «сперегъ, аки въ половинѣ мѣста, отъ стѣны Булака «ажъ до дольныхъ части мѣста ровъ немалый (т. е. Тезицкій)» ⁽²⁾

При прежнихъ рѣзкихъ очертаніяхъ Казанской мѣстности, Курбскому, стоявшему съ отрядомъ за Казанкой, противъ нынѣшняго Кремля, часть города, около Чернаго Озера, Воздвиженской и Пятницкой церквей, должна была казаться «зѣло удольной» или какъ «въ пропасти» Мѣстность Казани съ того времени очень измѣнилась: наносы подняли низменныя части города, земля снята съ

хранится въ Главномъ Штабѣ и который, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, приложенъ къ Сказаніямъ Кн. Курбскаго, значатся на этомъ мѣстѣ ворота Щельскія.

(1) Что при взятіи Казани существовала цѣлая система озерковъ, видно и изъ Казанской Исторіи (изд. 1791 г.) «Изъ-за поганыхъ озерокъ приступиша Ертауль, да передовой полкъ.» (Стр. 313, прим. 33-е).

(2) См. Сказ. Курбскаго стр. 31.

гористыхъ мѣстностей, для устройства спусковъ, при постройкѣ домовъ, при выравниваниіи дворовъ. Примѣръ такого быстраго измѣненія мѣстности представляютъ намъ въ настоящее время—улица Рыбно-рядская, Собачій и Кошачій переулки. Напримѣръ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что много земли снято при устройствѣ Николаевской площади. Это видно по явному перерыву горной мѣстности между Клиническою горой и горою, гдѣ находится домъ г. Юшкова. Старожилы еще помнили возвышенную мѣстность, находившуюся предъ фасадомъ Университетской клиники; эта вызвышенность въ прошлой половинѣ настоящаго столѣтія была срыта, для проложенія спуска на Николаевскую площадь. Такимъ образомъ мы должны восстановить въ своемъ воображеніи гористую мѣстность, ограждавшую съ сѣверо-востока Черное Озеро. Эта мѣстность, разумѣется, была не столько вызвышенна, какъ мѣсто, пынѣ занимаемое Кремлемъ, Воскресенской улицей и Казанскимъ монастыремъ, но все-таки она ограждала Черное озеро, какъ-бы, валомъ и послѣднее представлялось, какъ бы, лежащимъ въ ямѣ.

Самое название *Поганыхъ озерокъ* могло происходить отъ стоячей воды, весьма мало освѣжаемой теченіемъ въ этихъ озеркахъ, или—отъ заваленныхъ навозомъ, боковъ или крутостей Тезицкаго оврага, которые заражали воду озеръ, или же отъ чистой баниной воды, стекавшей сюда. Одно изъ этихъ озерокъ въ очень недавнее время называлось *баннымъ*, отъ стоявшей на мѣстѣ домовъ г.г. Крупеникова и Кремлева, торговой бани, очень древней постройки. Въ Писцовой книгѣ, упоминается объ этой бани «Отъ Церкви Николы-Зарайскаго (пынѣшней Пятницкой Церкви) направо, па большую улицу, къ бани, къ *Поганому озерку*, въ переулкѣ по обѣ стороны 24 двора.» Въ предположеніи, что въ нижнихъ озеркахъ вода была негодна для питья, убѣждаетъ насъ и свидѣтельство Царственной книги, въ которой мы находимъ показаніе, что въ послѣднія недѣли (¹) Казанской осады,

(¹) «И въ то время у нихъ подкопомъ воду отнято за дѣлъ, або за три недѣли до взятия» говорить Курбскій, Стр. 34. Царственная книга прямо указываетъ на 4-е

когда был взорван ходъ къ Тайницкому ключу, Казанцы «начали воду копать, но не нашли, а только докопались до небольшаго смраднаго потока», и изъ него до штурма города брали воду съ нуждою: отъ употребленія этой воды была болѣзнь—«люди пухли и умирали». Это мѣсто Царственной книги чрезвычайно интересно: оно доказываетъ одно изъ двухъ: или, что вода въ озеркахъ и тогда вовсе негодилась для питья, что отчасти объясняетъ самое название Ноганихъ озеръ, данное имъ въ противоположность *блгому*, т. е. чистому, озеру, или же,— что защитники Казани должны были въ посѣдній періодъ осады сосредоточиться въ одной верхней части города. Это замѣчаніе мы постараемся выяснить въ дальнѣйшихъ нашихъ очеркахъ старой Казани, именно—въ той статьѣ которая будетъ посвящена послѣдней осадѣ Казани въ 1552 году.

Сѣверо-восточная сторона города представляла рядъ крутыхъ склоновъ къ р. Казанкѣ, перерѣзанныхъ глубокими оврагами. Остатки этихъ овраговъ мы видимъ въ Кошачьемъ переулкѣ; по обѣ стороны улицы Поповой горы идетъ также рядъ продольныхъ глубокихъ овраговъ, часть которыхъ и теперь не засыпана. Одна часть этихъ гористыхъ склоновъ была занята Старымъ Казанскимъ Городищемъ, о которомъ упоминается въ Царственной книжѣ. Въ диспозиціи штурма, помѣщенной на стр. 298 и 299 этой книги, приказано «сверхъ по Казанкѣ, у Старого Городища» стоять стрѣлецкому Головѣ Михайлѣ Петрову Головину съ отрядомъ. Писцовая книга, описывая городскія ворота въ Казанскомъ острогѣ (во 2-й Казанской виѣшней оградѣ), упоминаетъ о воротахъ Тульскихъ «противъ Старого Городища» и еще «противъ Старого же Городища» «долу, у боя»—башню безъ воротъ. Въ XVI столѣтіи Казанка шла съвериже въ той своей части, которая омываетъ подошву Феодоровского монастыря; следовательно Тульскія ворота, находившіяся около теплой церкви выиѣшняго Казанского монастыря и башни, которая стояла «долу, у боя», т. е. помѣщалась въ мѣст-

ности, около нынѣшняго Кошацкаго переулка,—были обращены своимъ фасадомъ по направлению къ Феодоровскому монастырю. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что гора, на которой имѣѣ расположенье Феодоровскій монастырь простиралась дѣлѣе, чѣмъ нынѣ, по направлению къ сѣверу. Рѣка Казанка давно уже трудится надъ разрушениемъ этой горы, и могучей работѣ природы не могли и не могутъ противиться сваи и искусственныя сооруженія подъ горой, устроенные съ цѣллю укрѣпить ее и дать надлежащей отпоръ волнамъ весеннихъ разливовъ. Огромная масса земли, отрываемой и уносимой отъ этой горы ежегоднымъ разливомъ Казанки, даетъ намъ понятіе о результатаѣ такой работы, совершившейся въ теченіе трехъ столѣтій, и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ предполагать, что Феодоровская гора и окружающіе ее горные спуски въ XVI вѣкѣ простирались гораздо далѣе на сѣверъ. Предположеніе наше подтверждаютъ планы прошлаго столѣтія; а именно—планъ Юлія Фонъ-Каница 1778 года (¹) и планъ Казани, составленный при Екатеринѣ II въ 1768 году, составляющей собственность Университетскаго Музея. На планахъ этихъ Казанка показана далеко отъ города на сѣверо-востокѣ и гора Феодоровская нанесена на планахъ въ видѣ довольно обширныхъ, пологихъ склоновъ, по направлению къ рѣкѣ Казанкѣ.

Самая Казанка, па сѣверо-восточной сторонѣ Казани настоящаго времени шла по другому руслу, слѣды кото-раго мы видимъ и нынѣ; русло это идетъ нѣсколько сѣвернѣе и рядомъ съ пынѣшнимъ ложемъ рѣки. На планѣ Фонъ-Каница рѣка здѣсь дѣлаетъ нѣсколько поворотовъ къ югу и юго-востоку; рядомъ съ ложемъ рѣки видно нѣсколько затоновъ. Около начала Засыпкиной

(¹) Подлиннаго плана Фонъ-Каница нѣть въ Казани, но мы находимъ вѣрный списокъ съ него въ первомъ изданіи Сказацкій Курбскаго—Устрялова, 1833 г., во 2-мъ томѣ. Устряловъ указываетъ и мѣсто нахожденія подлиннаго плана—въ Депо картъ Главнаго Штаба; во второмъ изданіи Устрялова планъ, по историческимъ соображеніямъ, видоизмѣненъ. См. примѣч. въ концѣ 1 части Сказ. Курб. на стр. 310.

улицы, въ томъ пунктѣ гдѣ нынѣ находятся мельницы, подъ Кремлемъ, у Каница Казанка образуетъ илько отдельныхъ озеръ, которыхъ, вѣроятно, соединялись въ прежнее время съ системой *Поганыхъ озерокъ*, о которыхъ мы упоминали выше. Почти тоже самое представляеть и планъ Казани 1768 года. Все это еще болѣе утверждаетъ насъ въ предположеніи, что между нынѣшимъ Чернымъ Озеромъ и Казанкою существовала цѣлая водная система, состоявшая изъ маленькихъ прудовъ и что отсюда именно при штурмѣ Казани угрожалъ граду Эртоуль. Островковъ, которые существуютъ на Казанкѣ нынѣ въ верхнемъ ея теченіи, на обоихъ планахъ вовсе не показано. Подходя къ Зилантовой горѣ, Казанка въ XVI вѣкѣ гораздо круче, чѣмъ въ настоящее время, огибала ее; слѣды прежняго русла Казанки около Зилантовой горы, илько южнѣе нынѣшняго, видимъ мы и въ настоящее время: около подошвы этой горы съ сѣвера и съверо-востока есть илько глухихъ затоновъ, невысыхающихъ иногда и послѣ спада водъ, весной. Отъ Бакалдинской пристави тянулась рѣка, съ илистыми берегами, обильная заводями въ западной ея части, известная подъ именемъ «Ички». При настоящемъ возвышенніи почвы около Казани, эта рѣка представляеть ручей или протокъ, впадающій въ Казанку. Въ Писцовыхъ книгахъ Ичка называется рѣкою. Озеро Нижній Кабанъ, какъ и нынѣ, сообщался съ Казанкой Булакомъ, въ настоящее время представляющій изъ себя грязный протокъ, иногда вовсе персыхающій. Въ XVI вѣкѣ Булакъ имѣлъ право называться рѣчкой. Курбскій говоритъ, что во время осады Казани «съ западу (Казани) протекала Булакъ, рѣчка зѣло типовата и непроходима, она подъ самое мѣсто (городъ) текла и впадала подъ угольную вежу» (башню).¹⁾ Въ это время Булакъ долженъ былъ изобиловать водою, потому что оба Кабана были гораздо багаче водою, чѣмъ нынѣ: ручьи, которыми питаются Кабаны, по самому простому соображенію, должны были быть обильнѣе водой, такъ какъ мѣстность, лежащая на югъ отъ Казани:—тогдашнее Арское поле, начинавшееся

(1) Курбскій, 21 стр.

около нынѣшняго театра и простиравшееся далеко за городъ, и всѣ окрестности къ юго-востоку покрыты были густымъ лѣсомъ. Въ Писцовой книгѣ показаны части лѣса на Арскомъ полѣ, принадлежавшія Архіепископу Казанскому и городскимъ жителямъ. Этотъ лѣсъ между дорогами Шихаевской и Салмачской принадлежалъ Казанскимъ посадскимъ людямъ, «а нальво лѣсъ и земля Архіепискупли». Самое направление Булака было неправильное. На планѣ Фонь-Каница Булакъ около нынѣшняго Спасо-Преображенского монастыря дѣлаетъ два крутыхъ поворота на западъ и на востокъ, въ видѣ латинской буквы *S*, и впадаетъ въ Казанку въ томъ же мѣстѣ, гдѣ и нынѣ. Старожилы Казани помнить, что при своемъ устьѣ Булакъ дѣлился на двѣ части, образуя дельту; восточнымъ протокомъ онъ впадалъ въ Казанку около Кремля, а другимъ западнымъ—около Успенского Собора. Это совершиено согласно съ показаніемъ Курбского и съ Писцовою книгою. «Зѣ Булакомъ, говорится въ этой рукописи, въ острогѣ Государева Царя и Великаго князя слобода Ямская, а въ Слободѣ церковь Успенія Пресвятой Богородицы... всего въ Ямской слободѣ охотничихъ дворовъ 62.... по другую сторону Ямскія слободы подъ Гнилой Булакъ Государевыхъ плотниковъ жалованыхъ дворы...» Такимъ образомъ этимъ мѣстомъ объясняется, что былъ особый протокъ Булака, называвшійся *Гнилымъ Булакомъ*. Что же касается до существованія праваго протока Булака, то оно подтверждается цѣлымъ рядомъ прудовъ съ стоячою водою, находящихся и понынѣ на дворахъ домовъ, стоящихъ на односторонкѣ, подъ Кремлемъ съ западной стороны: эти пруды или ямы имѣютъ общее направленіе отъ Биржи къ Казанкѣ. Въ послѣднео времи нѣкоторыя изъ этихъ антигигиеническихъ вмѣстилищъ гнилой воды засыпали.

За Казанкой, какъ видно изъ Писцовой книги, былъ другой «лѣсъ посадскихъ людей, за помѣстною землею дворцоваго села Ягодной Поляны, отъ Кадышевской дороги, по рѣкѣ Казани, вверхъ по лѣсовому берегу Волги до рѣчки Яковъ⁽¹⁾ и къ Кокшагѣ». Остатки этого лѣса:

(1) О селѣ Якахъ упоминается у Щербатова, подъ

Килическая роща и роща Порохового завода, состоящія изъ старыхъ сосенъ и совершенно новыхъ, возникшія по вырубкѣ старыхъ лѣсовъ, лѣсныя поросли, идущія къ Лебяжьему Озеру и далѣе.

III.

Администрація города и края, административныя лица, суды, внутреннія полицейскія мѣры для благоустройства города и мѣры для защиты отъ внезапныхъ нападеній.

Въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка Казань состояла подъ управлениемъ «Государевыхъ Царя и Великаго Князя воеводъ: Боярина и Воеводы Большаго и четырехъ Воеводъ Меньшихъ» повѣствуетъ намъ Писцовая книга. Тотъ-чать-же послѣ взятія Казани «Государь, выбралъ воеводъ, кого ему оставить послѣ себя въ Казани, Большаго Боярина и Воеводу Князя Александра Борисовича Горбатаго. Тому и Царево мѣсто управляти велѣлъ». Вторымъ Бояриномъ въ Казани остался Князь Василій Семеновичъ Серебряный. ⁽¹⁾ Князь Александръ Горбатый-Сузdal'скій былъ замѣчательнымъ военачальникомъ того времени. При осадѣ Казани въ 1552 году онъ начальствовалъ отдѣльнымъ отрядомъ: подъ его начальствомъ русскіе разбили татаръ на Арскомъ полѣ, разрушили засѣку, устроенную непріятелемъ въ лѣсахъ, на Арскомъ полѣ, взяли Арскъ и возвратились съ большою добычею въ лагерь, подъ Казанью. Горбатый недолго былъ въ Казани воеводою. Въ 1555 году мы встрѣчаемъ преемника ему въ Князѣ Михаилѣ Глинскомъ. ⁽²⁾ Горбатые были князья древняго происхожденія и вели родъ свой отъ

1553 годомъ: «10 Октября 1552 года Луговые люди изъ Якъ и изъ многихъ мѣстъ къ Государю пріѣхали...». (Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Древн. 1848 г. № 9 стр. 373).

⁽¹⁾ См. Царств. книг. стр. 316.

⁽²⁾ Щербатовъ стр. 409.

Владиміра Святого; ближайшимъ своимъ родоначальникомъ они считали князя Андрея Ярославовича и затѣмъ находились въ родственныхъ связяхъ со всѣми знатными русскими родами. Дочь Александра Горбатаго была супругою Никиты Романова и матерью Патріарха Филарета. Грозный въ 1556 году, въ тотъ самый годъ, когда составлялась Писцовая книга въ Казани, казиль Горбатаго выѣстѣ съ 17-ти лѣтнимъ сыномъ⁽¹⁾ Долѣе всѣхъ проѣмы на Казанскомъ воеводствѣ Князь Петръ Ивановичъ Шуйскій. Вскорѣ послѣ взятія Казани, онъ назначенъ былъ командовать важнымъ военнымъ пунктомъ Нагорной стороны, укрѣпленнымъ городомъ Свіяжскомъ. Въ этой должности онъ оказалъ Россіи важныя услуги, сдерживая враждебное намъ населеніе Приволжского края. Въ 1556 году Петръ Ивановичъ сдѣланъ былъ воеводой въ Казани, гдѣ и начальствовалъ до 1560 года: въ этомъ году онъ сдѣланъ главнымъ начальникомъ русскихъ войскъ въ Лифляндіи.⁽²⁾ Во время составленія Писцовыхъ книгъ Большими Бояриномъ и Воеводой въ Казани былъ Петръ Булгаковъ.

Для насъ интересно будетъ познакомиться, на основаніи показаній Писцовой книги и другихъ документовъ этой эпохи, съ бытомъ тогдашнихъ Правителей Казани, съ ихъ служебными обязанностями и съ ихъ заботами объ умиротвореніи новаго края.

Наша тогдашняя политика вѣрою понимала важность удержанія новопріобрѣтенного края въ своихъ рукахъ. Мѣры, съ этою цѣлью предпринимаемыя Правительствомъ, были предупредительны и сообразны съ разъ навсегда положеннымъ намѣреніемъ удержать за собой вновь покоренный край. Съ одной стороны къ этой цѣли вели мѣры, ближайшимъ образомъ направленныя къ тому, чтобы какъ можно поспѣшище привести только-что взятый непріятельскій городъ въ оборонительное положеніе. Съ другой стороны отъ Цара предписывалось воеводамъ строго карать непокорныхъ туземцевъ и награждать покорныхъ, обращаясь съ ними справедливо и милостиво.

(¹) Таубе и Крузе, стр. 196.

(²) См. Курб. I., стр. 78.

Впрочемъ не должны были воеводы безъ нужды и слишкомъ довѣряться наружной покорности туземцевъ. Когда первые Казанскіе воеводы—князья Нетръ Шуйскій и Василій Серебряный внослѣдствіи времени остались на воеводствѣ въ новопріобрѣтенномъ Іоанномъ IV гор. Полоцкѣ, то они получили тотчасъ же съдующаго рода наказъ: «укрѣпить городъ наспѣхъ, не мѣшкая, чтобы было безстрашно; гдѣ будетъ нужно, рвы старые вычиstitь и новые покопать, чтобы были рвы глубокіе и крутые; и въ острогѣ, которое мѣсто выгорѣло, велѣть задѣлать пакрѣпко, стѣны въ три или четыре.» Далѣе въ наказѣ предписываются иѣкоторыя мѣры предосторожности противъ внезапнаго занятія крѣпости непріятелемъ: «тутощихъ и прїѣзжихъ землянъ и черныхъ людей въ крѣпость не пускать, такъ что никто бы въ городъ безъ вѣдома боярскаго не входилъ; въ городѣ сдѣлать свѣтлицу и ночевать въ ней каждую ночь воеводамъ съ своими полками по очереди; съ фонаремъ ходить по городу безпрестанно; судебно сдѣлать за городомъ... въ острогѣ.»⁽¹⁾

Тѣ же самыя мѣры предосторожности противъ непріятеля мы видимъ и въ Казани въ XVI вѣкѣ. Въ Писцовой книгѣ написано: «А въ городѣ бояринъ и воевода большой еженочай обѣзжаетъ городъ, ъздитъ подль городовую стѣну; а противъ его по городу ходятъ отъ него дѣти боярскія съ фонарями меньшихъ воеводъ, которому доведется почеватъ въ свѣтлицѣ, и отъ того дѣти боярскія съ фонари; дѣти боярскіе ходятъ же, перемѣнившись во всю ночь, а пересматриваются на сторожахъ людей.» Свѣтлица соотвѣтствовала главной гаубвахѣ настоящаго времени. По Писцовой книгѣ видно, что она находилась около церкви Петра и Павла. Обходъ ночью воеводы и дѣтей боярскихъ, повѣрившихъ посты, соотвѣтствуетъ въ иѣкоторой степени рунду и визитиръ-рунду воинскаго устава. Казань дѣлилась на двѣ части: городъ или крѣпость—это нынѣшній кремль, обнесенный въ XVI вѣкѣ отчасти каменюю, отчасти деревянную стѣною—и посадъ или острогъ, обнесенный деревянными стѣнами. О направлении и размѣрѣ этихъ стѣнъ или острогѣ мы ска-

(1) Си. Ист. Рос. Соловьевъ т. VI изд. 2 стр. 256.

жемъ впослѣдствіи. Въ крѣпости или городѣ было пять воротъ; Казанскіе начальники «Государевы Царя и Великаго князя Воеводы: Бояринъ и воевода Большой, да четыре Воеводы Меньшихъ вѣдаются у города по однѣмъ воротамъ, а въ городѣ нарядъ городовой, сторожи по всему городу; который воевода которыхъ ворота и сторожи вѣдаетъ *свѣтлишные* изъ городовой росписи». (1) «А городовыи ворота», записано въ другомъ мѣстѣ Писцовой книги, «всѣ затворяютъ всегда городничіе на почь, на послѣднемъ часу дни, а съ утра ко дни городовые ворота отмыкаютъ городничіе же на первомъ часу дни, а ключи всѣхъ городовыхъ воротъ съ утра и вечера городничіе относятъ къ Боярину и воеводѣ Большому».

Въ Казанскомъ острогѣ также было до 10-ти воротъ, на воротахъ были башни, а на башняхъ на сторожѣ стояли боярскіе дѣти съ небольшими отрядами отъ 4-хъ до 10-ти человѣкъ стрѣльцовъ, вооруженныхъ рушницами. На Арскихъ воротахъ находилось: «5 пищалей затинныхъ, да стрѣлецкихъ 10-ть рушницъ. да внутри острога была изба сторожевая». На другихъ башняхъ стояло отъ одной до четырехъ пищалей. (2) «А по тѣмъ осторожнымъ воротамъ, говорится въ Писцовой Книгѣ, по всѣмъ сторонамъ около всего посаду всегда *на первомъ часу почь* объѣзжаетъ воевода, да съ нимъ дѣти боярскіе его полку; а послѣ воеводы въ туже почь изъ свѣтлицы єздятъ головы и дѣти боярскіе по тѣмъ-же, сторожей досматриваютъ на сторожахъ людей. *А въ день* отъ Боярина Большаго Воеводы и отъ всѣхъ воеводъ по вся дни по всѣмъ осторожнымъ сторожамъ около посаду объѣзжаютъ дѣти боярскіе, пересматриваютъ на сторожахъ людей. Да отъ Боярина же и Воеводы Большаго и отъ всѣхъ воеводъ всегда *въ день и почь* на посадѣ-же по

(1) Здѣсь книга упоминаетъ объ особой росписи свѣтличной, въ которой, вѣроятно, означены были подробно обязанности воеводъ и предметы ихъ завѣдыванія, а равно—ихъ очередь и число караульныхъ и сторожей.

(2) Пищалами назывались нынѣшнія крѣпостныя ружья въ два или три раза болѣе калибра обыкновеннаго ружья, они становились па особыхъ станкахъ; а иногда—пушки.

всѣмъ улицамъ ъздятъ дѣти боярскіе, для береженія, чтобы корчевнаго и никотораго лиха не было и огневъ бы не во время на дворѣ не держали.»

Поятна цѣль военнаго объѣзда во время ночи. Объѣздъ повѣрялъ сторожей и оберегалъ городъ отъ внезапнаго нападенія непріятельскаго. Обязанности дневнаго объѣзда съ большюю подробностью поясняются въ одномъ изъ памятниковъ начала XVII вѣка. Въ 1649 году Царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ быть объѣзду по Москвѣ. На этотъ разъ въ документѣ такъ выясняются обязанности объѣзчиковъ: «а для береженія во всѣхъ улицахъ и переулкахъ ходить рѣшеточными и беречь накрѣпко, чтобы въ улицахъ и переулкахъ и бою, и грабежа, и корчмы, и табаку, и иного никакого воровства не было. Да и того беречь пакрѣпко, чтобы воры никогда не зажгли и огня на хоромы не накинули, и у хоромъ и у заборовъ, съ улицы, ни у кого ни съ чѣмъ огня не подложили». ⁽¹⁾

Такимъ образомъ по Писцовыми книгами Казань XVI вѣка была вполнѣ военнымъ городомъ: на башняхъ ея стояли стрѣльцы, вооруженные пищалями и ружьями, денно и ночно объѣзжали городъ воеводы, повѣряя посты, наблюдая порядокъ въ городѣ, оберегая городъ отъ покушенія окрестнаго враждебнаго населенія поджечь городъ. Въ окрестностяхъ Казани постоянно вспыхивали восстанія, особенно часты были эти бунты въ Арской землѣ, куда послѣ покоренія Казани перешли всѣ враждебные Москвѣ элементы. Самыя восстания и подавленіе этихъ восстаній слѣдуютъ одно за другимъ въ Казанскомъ краѣ. Изъ Москвы присылаются постоянно свѣжія войска и опытные, храбрые полководцы. Населеніе бывшаго Казанскаго царства ведетъ себя съ вѣковѣчною азіатскою хитростью. При первомъ погромѣ жители униженно бываютъ Царю и воеводамъ челомъ, даютъ обѣщанія не дѣйствовать за-одно съ врагами Россіи, даже выдаютъ Русскимъ предводителей Татарскихъ шаекъ, но при первой попыткѣ къ восстанію въ краѣ, становятся на сторону татаръ: старыя преданія тѣсно связывали чу-

(1) Ср. Древн. Рос. Вивліоѳика т. XIX стр. 2.

вашъ и черемисъ съ ихъ прежними властителями, татарами. Правительство Московское старалось съ другой стороны внушать своимъ воеводамъ въ Казанскомъ краѣ мысль или убѣжденіе въ необходимости привлекать туземцевъ справедливостью, не притѣснять ихъ, но напротивъ всѣми мѣрами стараться оберегать ихъ интересы. Въ этомъ даетъ намъ вѣрное понятіе о постоянныхъ подобнаго рода внушеніяхъ одинъ наказъ XVII вѣка, данный Царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ Свіяжскому воеводѣ Новикову. Наказъ отличается политическою вѣрностью и трезвостью взгляда. «И будучи въ Свіяжскомъ, къ Татаромъ и къ Чувашъ и къ Черемисамъ и ко всякимъ иноземцемъ ласку и привѣтъ держати: и во всѣхъ дѣлѣхъ Татаръ и Чувашу и Черемису для своей корысти отнюдь не жесточити, приставы смотрѣти и беречи пакрѣпко, чтобы они имъ продажъ и убытковъ и насилиствъ, и налоговъ никакихъ ни въ чёмъ не чинили... при сборѣ налоговъ обидъ и тѣсноты никакія не дѣлали... и дѣлати вслѣдія Государевы дѣла въ правду и во всемъ Государю искати прибыли, а посуловъ и поминковъ ни у кого ни отъ чего не имати... и во дворѣ у себя Русскимъ людемъ и Татаромъ и Черемисъ никакого издѣлья не дѣлати и на посадѣ и уѣздѣ всякихъ людей отъ всякаго дурна унимати и беречи того пакрѣпко, чтобы и въ Свіяжскомъ на посадѣ и уѣздѣ всякое строеніе было впередь стоятельно и крѣпко, а Государю прибыльно.» (1)

Съ такими, вѣроятно, инструкціями посылались Грознымъ воеводы и въ Казань; но исполнялись ли эти инструкціи, покрыто мракомъ неизвѣстности. Мы знаемъ отзывъ Грознаго о русскихъ людяхъ тогдашняго времени и не имѣемъ надобности повторять его. Чрезъ столѣтіе послѣ Грознаго, Григорій Котошихинъ имѣлъ право писать «А судити указано болрамъ въ правду... другу не дружити, недругу не мстити... по посуломъ и поминкомъ не дѣлати,—однакоже, хотя на такое дѣло положено наказаніе, и чинять бояре о тѣхъ посулахъ крестное цѣлованіе съ жестокимъ проклинательствомъ, но ни

(1) См. Древ. Рос. Визліоенка XIX т., стр. 9.

во что ихъ еѣра и заклипательство, и наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли содергати не могутъ въ руки свои ко взятію скоро допушають...»⁽¹⁾. Но во всякомъ случаѣ мы едва ли можемъ предполагать особенно большое развитіе этихъ темныхъ сторонъ въ управлениі вновь завоеванного края. За это можетъ, во-первыхъ, ручаться то, что тотчасъ по завоеванію края въ Казанскіе воеводы назначались люди изъ первостатейныхъ боярскихъ родовъ, люди знатные и богатые, принадлежавшіе къ той плеядѣ *мудрыхъ Сиклотовъ*, по словамъ Курбскаго, «мужей вѣку еще отцовъ нашихъ, состарѣвшихся въ добродѣтельхъ и во всѣхъ искусствахъ ратныхъ»⁽²⁾ и, большая часть которыхъ пала жертвою подозрительности и тиранніи Иоанна IV, въ послѣдніе годы его царствованія. Во-вторыхъ, злоупотребленія и произволъ администраціи не могли быстро развиться, подъ угрозой смутъ и кровавыхъ возстаній и возмездій, которые долгое время волновали вновь покоренный край.

Тотчасъ-же послѣ взятія Казани въ ней были устроены суды и всѣ иные порядки Московскаго Государства. На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится военно-тюремный замокъ былъ устроенъ Государевъ дворецъ. Вотъ мѣсто его, по Писцовой Книгѣ. «Внутри города, у Спасскихъ воротъ, въ городъ идучи, на правой сторонѣ, у городовыхъ стѣнъ дворъ Государя Царя и Великаго Князя.» Въ Государевомъ Дворѣ жилъ Бояринъ Воевода Большой. Въ этомъ Дворѣ Государевомъ и въ Государевой Свѣтлицѣ выѣздной, которая была какъ мы сказали, выстроена «на посадѣ у верховныхъ Апостолъ Петра и Павла, за тorgомъ, на площади» сосредоточивалось управлениѣ Казани и всего Казанскаго края. Близъ Спасскихъ ворогъ, съ лѣвой стороны стояла канцелярія воеводы или, какъ тогда называли, «дьячья изба». Для вершенія уголовныхъ дѣлъ были избраны изъ населенія особые *Губные Старости*, которые вершили дѣла по особеннѣмъ губнымъ грамотамъ.⁽³⁾

(1) Котошихинъ. Изд. 1859 г. стр. 96, 97..

(2) Курб. стр. 39-я.,

(3) См. I т. Рус. Достопр. Изд. Общ. Ист. и Древн. Росс., стр. 45.

Въ указанной выше грамотѣ Грознаго Полоцкимъ воеводамъ предписано выбрать головъ добрыхъ изъ дворянъ, кому можно вѣрить и приказать имъ судить въ судебнѣхъ всякихъ дѣла, а записывать у нихъ земскими дьякамъ; выбравъ изъ земскихъ людей, на судѣ быть съ ними бурмистромъ.» За Спасопреображенскимъ монастыремъ, около городовой стѣны стояли тюрьмы: татинная, женская и др. По всей вѣроятности, недалеко отъ этихъ тюремъ была знаменитая пыточная или застѣнокъ, где поднимали преступниковъ на виску. По тогдашнимъ юридическимъ понятіямъ, пытка считалась единственнымъ и законнымъ средствомъ къ открытію истини. «Злочинцевъ, говоритъ Котошихинъ, пытаютъ въ праздники и въ иные дни и мучать безъ милосердія для того, что воръ и самъ, не избирая дней, воровства свои и убийства дѣлаетъ.» Впрочемъ Судебникъ повелѣваетъ обращаться къ пыткѣ въ крайнихъ случаяхъ: «приведутъ ли кого съ поличнымъ въ первый разъ и будетъ запираться въ татѣбѣ, то послать обыскати о немъ, и если съ обыску скажутъ, что онъ злой человѣкъ, то пытать его.» (Судеб. ст. 52). Если воры не винились съ первыхъ пытокъ, то, спустя недѣлю, пытали ихъ въ другой и третій разъ. Кто не винился послѣ пытки на виску, того жгли на медленномъ огнѣ или же, разжегши желѣзные клещи накрасно, ломали тому ребра. (¹) Въ томъ случаѣ, если преступникъ былъ человѣкъ закаленный и выдерживалъ твердо пытку, то его держали въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь бралъ его на поруки. Писцовая Книга представляетъ одну изъ такихъ личностей. Въ общей переписи домовъ Казанского посада значится, что около Земянаго двора находились дома: Сеньки бочарина, Ивашки накрачел (бубенщика, игравшаго на бубнахъ или на накрахъ) и Гришки разбойника. Рядомъ поселились два разгульныхъ молодца. Если мы припомнимъ старые порядки, памъ не трудно будетъ нарисовать и картину тогдашней Казанской тюрьмы. Эта картина будетъ не веселая. Тѣснота, мракъ, холодъ, грязь, полное отсутствіе надзора, пропитаніе тюремныхъ сидѣльцевъ посредствомъ

(¹) См. Котоших., стр. 94 и 95.

милостыни—вотъ крупные черты этой картины. Счастливъ былъ тотъ заключенікъ, кто имѣлъ родственниковъ—онъ получалъ содержаніе отъ своей сердобольной семьи, остальное тюремное братство, собранное преступленіями и скученіемъ въ тѣсной избѣ, ежедневно посыпало отъ себя сборщиковъ милостыни. Тѣ, которые посажены были въ тюрьму за малыя вины, на всякий день изъ тюрьмы выпускались по два человѣка, «скованые вмѣстѣ съ сторожами, собирать по людямъ, по торгамъ, и по дворамъ милостыню деньгами и хлѣбомъ»⁽¹⁾ И вотъ каждый день по Казани раздавался звукъ цѣпей, разносилась за душу хватающая, жалобная арестанская пѣсня «Отцы паши милостивцы!» Она заставляла вздрогнуть не одинъ только черный тяглой людъ, — она напоминала и гордому своимъ родомъ боярину вѣковѣчную пословицу, что не нужно отказываться отъ тюрьмы, да отъ сумы. Эта пословица особенно шла къ тому времени, когда Грозный чинилъ свою кровавую расправу съ боярами на Москвѣ: когда слухи о кровавыхъ казняхъ, волновавшихъ строгаго пустынножителя Св. Филиппа, ежедневно приносились молвою въ далекую, лежавшую на восточной окраинѣ, Казань.

По всей вѣроятности въ Казани XVI в. правосудіе давало о себѣ грозную вѣсть кровавыми расправами надъ преступниками или торговыми казнями. По тогдашнему судебному уставу о наказаніяхъ, казни эти были разнообразны и отличались средневѣковою жестокостью. Людей — преступниковъ иногда жгли живыхъ, инымъ заливали горло оловомъ и свинцомъ, другимъ же рубили головы, отсѣкали руки, ноги, пальцы, рѣзали языкъ и т. п. «А которые люди воруютъ съ чужими женами, говорить Котошихинъ, тѣхъ водя по торговамъ и улицамъ били кнутомъ.»⁽²⁾ Понятно, что подобные торговые казни для мало-развитаго люда тогдашняго времени были даровыи спектаклемъ точно такъ-же, какъ смертныя казни и теперь служатъ любопытнымъ зрѣлищемъ для населения европейскихъ столицъ. Иногда самая казнь про-

(1) Тамъ-же 100 и 101.

(2) Котом. стр. 100.

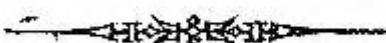
*Истории о бородавке
бывшему*

ОЧЕРКИ
от автора
действий Казани.

1877. Июн. 19

СОСТАВИЛЪ

Протоиерей Казанской Кремлевской во имя Спасителя
Церкви Платонъ Заринскій.

КАЗАНЬ.

въ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1877.

должалась до двухъ и трехъ дней. Таковы были—посажение на коль и зарытие живыхъ въ землю, практикуемыхъ и доселъ на востокъ. Вамбери былъ свидѣтелемъ послѣдней казни въ Бухарѣ. Преступницу—женщину (это—женская казнь) зарывали въ землю по грудь, утаптывали кругомъ землю и оставляли умирать медленною смертью, которая слѣдовала рѣдко въ тотъ же день, а иногда на другой и на третій. Въ числѣ чиновнаго люда тогдашняго судебнаго персонала Писцовая книга упоминаетъ о *Лобномъ Подъячемъ*, которому данъ былъ на посадѣ пустой дворъ, для житья, за который онъ платилъ оброку въ казну 3 гривны, да пошлии 4-ре деньги. Весьма естественно, что Казанцы XVI вѣка могли имѣть и другое судебное зрѣлище—это судебные поединки, при которыхъ дрались «ослопы и дубинами» и о которыхъ говорить Судебникъ Грознаго. Съ Большимъ Воеводой управление и судъ дѣлилъ одинъ изъ меньшихъ воеводъ. Олеарій, посѣтившій Казань въ 1636 году въ своемъ описаніи города говоритъ, что Великій князь помѣстилъ въ Казани не только воеводу въ крѣпости, но и особеннааго начальника въ городѣ: они управляютъ жителями и чинять надъ ними судь и расправу. ⁽¹⁾ Въ Писцовой книгѣ мы находимъ въ Кремлѣ дома воеводскіе: Мих. Матв. Лыкова, князя Фед. Ив. Троерукова, княз. Григ. Andr. Булгакова и Князя Andr. Иванов. Чернаго-Засѣкина. Это были четверо меньшихъ Казанскихъ воеводъ. Домы трехъ воеводъ тянулись отъ Царскаго двора въ Дмитріевскімъ воротамъ или къ Собору. Домъ Троерукова стоялъ въ переулкѣ, противъ Благовѣщенскаго Собора, подлѣ городовой стѣны, у Сергія-Чудотворца (на мѣстѣ нынѣшнихъ казармъ мѣсти. баталіона). Въ послѣдствіи времени, вѣроятно, по умиротвореніи края, Казанскихъ воеводъ назначалось, вмѣсто четырехъ, лишь по два, какъ свидѣтельствуютъ Петрей и Олеарій, путешественники XVII вѣка.

За Соборною Церковью стояли дворы дьяковъ Казанскихъ, числомъ 11-ть. Роль дьяковъ въ царствованіе

(1) Си. Olcarius. *Vermehrte neuw. Beischreib. der Moskowitzsch. u. Pers. Reise*, стр. 41.

Грознаго начинаетъ сильно подышаться. Іоанъ, съ ма-
лодѣтства озлобленный на вельможъ, довѣрѧлъ болѣе
дѣякамъ, какъ людямъ новымъ, безъ стариныхъ преда-
вій о родѣ, безъ притязаній на почести и отличія. При
немъ дѣяки завѣдуютъ не только письменными и ира-
вительственными дѣлами, но являются даже воеводами,
въ городахъ, какъ Ржевскій и Выродковъ. Курбскій уко-
ряетъ Іоанна, что онъ вѣрить писарямъ «не изъ шля-
хетскаго рода, а изъ поповичей и простаго всевародства»
Въ Синодикѣ Спасскаго монастыря, въ Казани, запи-
саны роды многихъ дѣяковъ: Іосифова, Феодорова, Незю-
бина, Патрикѣева и др. Въ грамотахъ царскихъ дѣяки,
ваходившіеся при Воеводахъ, означались по титулѣ Цар-
скомъ. Въ этой же части крѣпости были также дворы
боярскихъ дѣтей, которые посылались по воеводствамъ,
въ помощь воеводамъ, для «воеводскихъ и сыскныхъ дѣлъ»
и дворы жильцовъ, которые исправили должность по-
лицейскихъ начальниковъ и офицеровъ въ войскахъ. (1)
Междудѣтьми боярскими, по Писцовой книгѣ, были
многородные, т. е. такие, которые имѣли помѣстія не въ
Казанскомъ воеводствѣ, а въ другихъ областяхъ тогдаш-
няго Московскаго Государства. Боярскіе дѣти за свою
службу государству пользовались въ это время извѣст-
нымъ земельнымъ надѣломъ, который былъ ихъ собствен-
ностю лишь до того времени, пока они могли отправ-
лять службу государству, пока они могли быть дѣйстви-
тельными служилыми людьми. Казанскіе боярскіе дѣти бы-
ли, вѣроятно, и ссылочные. Тутъ же были дворы городовыхъ
сторожей и тюремныхъ, а также дворы *часовниковъ*. Кто
эти были «часовники»? По лѣвой сторонѣ Спасскихъ во-
ротъ стояла «подлѣ городовой стѣны, часовня, рублена на
столбы, а на часовнѣ висѣлъ большой колоколь ратный;
а часы бывутъ въ тотъ же колоколь; а другой колоколь
меньшой старые часовни, а звонять въ тотъ колоколь къ
городовымъ воротамъ.» Такимъ образомъ набатный ко-
локоль, висящій выпѣ на Спасской башнѣ, имѣеть свою ис-
торію. Назвавіе «ратный» показываетъ, что въ него были
тревогу, вѣроятно, сначала въ загерѣ, подъ Казанью, а по-

(1) См. у Котош. 21 стр.

томъ—по завоеваніи ея—въ самомъ городѣ, въ случаѣ какого-нибудь внѣшняго нападенія; въ обыкновенное время особые сторожа били въ этотъ колоколь часы, а въ малый колоколь ударяли, когда нужно было запирать ворота въ городѣ. До 1712 года, по свидѣтельству Татищева, или до 1699. по свидѣтельству Барона Гизена, (¹) русскіе считали дневные часы отъ восходженія до заходенія солнца, а часы ночи—отъ заходенія до восхода солнца. При этомъ о правильномъ раздѣленіи времени не могло быть и рѣчи: зимою почные часы были продолжительнѣе, дневные—короче, лѣтомъ наоборотъ. Въ Русскомъ лѣтописцѣ есть показаніе, что Лазарь Сербинъ устроилъ въ 1404 году первые металлическіе часы у Церкви Благовѣщенія, въ Москвѣ.

Наконецъ при Казанской администраціи тогдашняго времени находились и переводчики, которые назывались *толмачами*. Около Поганаго Озерка лежала Толмацкая улица, напоминающая мѣстность «Толмачи» въ Москвѣ.

Поворл о полицейскихъ мѣрахъ тогдашняго времени, нельзя не отмѣтить еще одну мѣру, довольно оригинальную по современнымъ понятіямъ. Въ наказѣ 1649 года, дѣлается слѣдующее распоряженіе по Москвѣ: «Да Ивану и подъячему Викулѣ приказать всякихъ чиновъ людемъ накрѣпко, чтобы иши весною и во все лѣто и въ осень, въ ведреные въ жаркіе дни избѣ и мылѣ никто не топидъ... велѣть же печи подѣлать въ поварняхъ и на полыхъ мѣстѣхъ и варить тамъ Ѣсть (пищу) и хлѣбы пеять.» (²) Можно думать, что одною изъ предупредительныхъ противупожарныхъ мѣръ было устройство въ XVI вѣкѣ въ Казани казенныхъ бань и поваренъ (т. е. пивоваренъ). Бань было три и онѣ были устроены, по всей вѣроятности, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были бани старая татарскія. Царственная книга упоминаетъ о «Даировой бани», которая стояла подъ городской стѣной, баня эта была каменная: въ нее въ началѣ осады засѣли казаки, переправившись чрезъ Булакъ; отъ этой бани былъ въ

(¹) См. Татищ. Рос. Ист. II, 456 и Записк. Туманскаго III, 115.

(²) Древ. Рос. Вивлію. Ч. XIX стр. 2.

послѣдствіи сдѣланъ подкопъ подъ Муралеевы ворота, которымъ взорванъ былъ тайникъ къ ключу, гдѣ брали осажденные воду.⁽¹⁾ Писцовая книга упоминаетъ о двухъ баняхъ на Булакѣ: о верхней и нижней. Третья баня была на Поганомъ Озеркѣ въ Воздвиженской улицѣ. Въ этихъ баняхъ сидѣли цѣловальники на вѣрь, отдавая отчетъ Государевымъ дѣякамъ въ полученныхъ отъ посѣтителей деньгахъ. Цѣловальниками назывались особые выборные люди изъ черныхъ сотенъ или молодыхъ людей, которымъ сначала давали цѣловать крестъ, т. е. приводили къ присягѣ, а потомъ приставляли къ какимъ либо оброчнымъ заведеніямъ (банимъ, пивоварнямъ) или статьямъ (къ продажѣ вина, соли). Пивоваренъ было три, онѣ были такъ-же оброчные, какъ и бани, и стояли одна возлѣ другой на Булакѣ «отъ верхней бани къ устью Булацкому». Въ нихъ люди Казанскіе варили пива и «давали цѣловальникамъ счету по 4 деньги.»

Чинамъ мѣстной администраціи и всѣмъ служилымъ Казанскимъ людямъ шло Царское жалованье денежное и хлѣбное. Въ 1555 году «Царь бояръ и вельможъ и всѣхъ воиновъ устроилъ кормленіемъ и праведными уроки, а городовыхъ въ четвертый годъ, иныхъ же въ третій годъ денежнымъ жалованьемъ.»⁽²⁾ Мѣстное управление Казанского царства жило и содержалось изъ мѣстныхъ средствъ. По показанію Котошихина, съ Казани и Астрахани въ Приказъ Казанского Дворца, которому подвѣдомо было Казанское Царство, денежныхъ доходовъ не поступало никакихъ, потому что они назначались на жалованье служилымъ и ратнымъ людямъ тѣхъ царствъ.⁽³⁾ Главнымъ источникамъ содержанія воеводъ городовыхъ, дѣяковъ и подъячихъ были судебная пошлины. Пошлины эти не превышали 10 коп. съ рубля и шли въ раздѣль. При Царѣ Борисѣ эти пошлины обращены въ казну, судьямъ позволено брать за труды добровольную плату. Довольствія натурой шли изъ казенныхъ магазиновъ. Эти житные амбары въ Казани

(1) См. Цар. кн. стр. 269 и 294.

(2) Щербат. стр. 440.

(3) Котош. 75 стр.

стали по обѣ стороны Воскресенскихъ воротъ: отчего и самая Церковь на воротахъ еще въ XVIII вѣкѣ, по словамъ Геодезиста Пестрикова, называлась «близь житныхъ амбаровъ.»⁽¹⁾ Хлѣбъ изъ житныхъ амбаровъ получало также духовенство ружныхъ церквей и стрѣльцы. Писцовая книга показываетъ, гдѣ жилъ радѣтель должностныхъ лицъ, снабжавшій хлѣбомъ служилые голодные желудки. На посадѣ, около Преображенскихъ воротъ, близь городовыхъ стѣны данъ былъ порожжій дворъ, подъ оброкъ со льготою, житному подъячему: онъ платилъ оброку столько же, сколько и подъячей Лобный, о которомъ была рѣчь выше. Для пополненія житенныхъ магазиновъ, вѣроятно, былъ назначенъ сборъ съ крестьянъ Казанского Царства, которые и запахивали особыя поля и засѣвали ихъ хлѣбомъ на казенные потребности. Очень можетъ быть, что при первоначальномъ нестроеніи царства хлѣбъ этой отчасти доставлялся изъ верховыхъ областей. Въ послѣдствіи времени, когда Понизовый край значительно населился, не было особой пужды обременять высылкой хлѣба прочія области Россіи. У Котошихина есть замѣтка, что въ его время на Московскій житеный дворъ хлѣбъ доставлялся изъ «Понизовыхъ городовъ.»⁽²⁾ Хлѣбъ заготовлялся въ магазинахъ на три года, съ такимъ разсчетомъ, чтобы ежегодно продавать одну треть старого хлѣба, а вместо него покупать для пополненія магазина, новый хлѣбъ на торгу.⁽³⁾ Въ чёмъ состояло довольствіе войскъ провіантомъ въ тогдашнее время? На это отвѣчаютъ намъ документы тогдашняго времени. Во время одного изъ предшествовавшихъ покоренію Казани военныхъ походовъ, въ 1535 году, по показанію Псковскаго лѣтописца, Псковити не должны были выставить на содержаніе войска: 3000 четвертей овсяной заспи *на толокно*, столько же четвертей солода, 360 четвертей гороха и столько же льняного семени.⁽⁴⁾

(²³) Каз. Вѣдом. 1844 г. № 43.

(²⁴) См. Котоших. стр. 66-я.

(²⁵) См. Опытъ нов. о древ. Рос. Проф. Успенскаго Харьк. 1818 стр. 303.

(⁴) См. Ист. Рос. Соловьева. т. VII, стр. 22.

Кромъ хлѣбнаго жалованья, стрѣльцы получали по пополамъ въ годъ денежнаго жалованья. Наравнѣ съ стрѣльцами, пользовались хлѣбною дачей и получали по рублю въ годъ жалованья: пушкари, пищальники, воротники, сторожа, кузнецы и плотники. Казенные кузнцы находились позади Государя Двора, около Петропавловской Церкви. Ружный хлѣбъ выдавался духовенству въ обыкновенную и въ большую мѣру. Не была ли эта большая мѣра мѣстной Казанской мѣрой или пудовкой, или же мѣрой хозяйственной, которая предполагалась болѣе казенной?

~~~~~
IV.

Населеніе города Казани въ XVI вѣкѣ: Казанская аристократія тогдашняго времени, Казанскіе опальные и переселенцы ивогородные; церкви и духовенство, стрѣльцы, пушкари, зеленищики, новокрещены.

Для насъ, жителей Казани, весьма интересно звать, переселенцы какихъ городовъ Россіи положили основание населенію Казани, какіе элементы вошли въ его составъ. Самая простая, нехитрая политика требовала того, чтобы изъ покоренной Казани выселить татаръ и населить новопріобрѣтенный городъ новыми и преимущественно русскими жителями. «Великій князь Иванъ Василіевичъ Московскій *Гордый*», говоритъ Котошихинъ, «Божіимъ изволеніемъ плѣнилъ Казанское, Астраханское и Сибирское Царства и *поселилъ* въ тѣхъ государствахъ и земляхъ *многихъ людей христіанъ*, для укрѣпленія.»⁽¹⁾ Этими словами вѣрно опредѣляется государственная политика Московскаго царства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. У Петрея мы находимъ тоже извѣстіе. «По взятіи Казани», говоритъ онъ, «Великій князь велѣлъ снова выстроить, улучшить и поправить всѣ разрушеннія и поврежденія зданія въ городѣ. Городъ приказалъ съ трехъ сторонъ обнести крѣпкою и толстою стѣною и валомъ, а съ чет-

---

(1) Котоших. стр. 1.

вертой выстроить сплошное укрепление и наполнить его пескомъ, камнемъ и глиной. (?) Внутри города построена прекрасная кирпичная Церковь. Въ ней служить Архіерей, живущій въ крѣпости съ двумя Русскими Намѣстниками и нѣсколькими сотнями солдатъ, назначенныхъ Великимъ Княземъ въ караулъ туда. Городъ *открытъ и не очень крѣпокъ*; въ немъ *не позволено жить ни одному татарину*, а только русскимъ, которымъ предписанъ Великий Князь явиться туда изъ всѣхъ областей и владѣть тамъ помѣстьями.»⁽¹⁾ Показанія обоихъ писателей вполнѣ достовѣрны, гдѣ дѣло идетъ относительно новаго заселенія «Казанскаго края». Можно предположить съ достовѣрностью, что земли около Казани и внизъ по Волгѣ Грозный Покоритель Казани жаловалъ своимъ сподвижникамъ въ Казанскомъ походѣ. Что касается до населенія города *иногородными переведенцами*, то въ этомъ отношеніи Нисцовая Книга даетъ намъ иѣкоторый матеріалъ. Во-первыхъ, Нисцовая Книга сообщаетъ памъ способы *воздворенія* въ Казани новыхъ поселенцевъ. «На посадѣ дворы князей, дѣтей боярскихъ, которымъ повелѣлъ Государь быть въ Казани въ 1565 году, означено въ книгѣ, отобраны отъ посадскихъ людей, по оцѣнкѣ воеводы. А иные дворы князей и дѣтей боярскихъ, старыхъ Казанскихъ жильцовъ, у дѣтей боярскихъ и архиепискупскихъ людей и всякихъ дворовыхъ мѣста нетирые, а у посадскихъ людей мѣста тѣгмы покунали по любовно».

Итакъ первыми, по званію и общественному положенію, переведенцами въ Казань были князья и бояре. Нисцовая книга показываетъ на посадѣ дворы: на Воскресенской улицѣ Князя Семена Мезецкаго, Князя Андрея княжъ Иванова сына Стригина; послѣднему достался дворъ, по оцѣнки воеводы, за пять рублей отъ Архиепискупскаго подьячаго Семена Ушака. Около втораго моста чрезъ Булакъ (съ толчка) стояли дворы: князя Вас. Андр. Московскаго, Князя Даніила Ушатаго, а около Преоб-

(1) См. Исторія о Вел. Кнїж. Москов. Петра Петрея. Чт., въ Имп. Общ. ист. и древн. Рос. 1865 г. кн. IV, стр. 61.

раженскихъ воротъ — Князя Ивана Шастуна. На самомъ Булакѣ отъ башни стоялъ домъ боярина Булгакова, а въ пивоваренной улицѣ дворъ Князя Гагарина. Здѣсь же былъ проѣзжей дворъ Онисима Строганова. Отъ Пятницкой Церкви къ Поганому озерку находились дворы: Князя Ноздрикова Засѣкина, Князей Ив. Юрьева и Мих. Феодорова Засѣкиныхъ. На Арской улицѣ были дома: Князей—Дим. Темкина, Ивана Юрьева Темкина и Василия Григорьева Чеснокова. У самой Церкви Покрова Пресв. Богородицы стояли дворы: Князей—Дан. Сицкаго, Льва Засѣкина, Ивана Ушатаго, Владимира Гагарина, Ивана Засѣкина. Около Николы Можайского былъ дворъ Князя Ивана Семенова Гагарина. Въ Синодикѣ⁽¹⁾ Казанскаго Спасо-Преображенского монастыря XVI и XVII вѣковъ записаны роды: Князей—Шуйскаго, Петра Ушатаго, Бориса Ромадановскаго, Петра Булгакова, Василия Шереметева, Юрия Темника, Димитр. Палецкаго, Михаила Нагаго, Феодора Троерукова, Димитрія Засѣкина, Ивана Шаховскаго, Мих. Хворостинина, Семена Ушатаго, Андрея Засѣкина, Андрея Клешнина, Луки Щербатаго, Семена Гагарина, Никиты Гагарина; бояръ—Семена Головина, Михаила Лыкова, Саввы Аристова. Столбина, Вельяминова, воеводы Казанскаго Петра Авраксина, Князей—Никиты Одоевскаго и Петра Урусова. Тамъже записаны роды: Зюзинихъ, Клешниныхъ, Хованскихъ, воеводы Яков. Тим. Хитрово, боярина Мих. Пронскаго, обольничихъ—Грешнева, Львова, Болтипа. Принимая во внимание порядокъ этихъ записей, нельзя не убѣдиться, что многіе изъ родовъ, записанныхъ въ Синодикѣ, принадлежали къ Казанскимъ жильцамъ XVI вѣка.

Такимъ образомъ предъ нами весь списокъ Казанскихъ аристократовъ XVI вѣка. При первомъ знакомствѣ съ составомъ этой аристократіи, легко угадать, что большая часть ея представителей были люди опальные или же переживавшіе канунъ своей казни: потому что для многихъ

(1) Синодикъ Спасо-Преображенского монастыря писанъ при Алексѣ Михайловичѣ, но, какъ кажется, списанъ съ болѣе дрѣвнаго синодика: изъ этого стараго синодика многіе листы вшиты въ этотъ новый синодикъ.

изъ бояръ Грознаго опала оканчивалась мучительными казнями, на которых такъ изобрѣтатель былъ умъ Иоанна IV. Между Казанскими вельможами встрѣчаемъ имена: Князя Ушатаго, происходившаго отъ рода Князей Ярославскихъ; родъ этихъ Князей былъ истребленъ Иоанномъ около 1573 года (¹); Князей Ивана и Михаила Засѣкиныхъ, которые упоминаются, вмѣстѣ съ Княземъ Иваномъ Темкинымъ, въ числѣ казненныхъ: въ Синодикѣ Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря (²) Князя Дашила Сицкаго,—онъ, какъ видно изъ отвѣтнаго письма Ioannova къ Курбскому, былъ казненъ по дѣлу о смерти Анастасіи царицы, (³) съ которой Сицкихъ связывало родство: одинъ изъ Сицкихъ Василій былъ женатъ на сестрѣ Анастасіи. Что касается до Князя Владимира Гагарина, то и его имя упомянуто въ Кирилловскомъ Синодикѣ подъ числ. 19-мъ, въ числѣ казненныхъ. Изъ Казанскихъ воеводъ Феодоръ Ивановичъ Троеруковъ точно также упомянутъ въ томъ-же Синодикѣ подъ числомъ 22-мъ. Въ Спасскомъ Синодикѣ есть цѣлые страницы имень подъ общимъ заглавиемъ: *опалии и убиennii*; но къ сожалѣнію, здесь не указаны прозванья и звавіе убиенныхъ, а одни только имена ихъ.

Можно было бы предположить, что иѣкоторые изъ тогданихъ Казанскихъ аристократовъ проживали въ Казани потому, что владѣли значительною поземельною собственностью въ краѣ. Дѣйствительно, имена Князей Шестуновыхъ, Іыковыхъ, Мезецкихъ встречаются въ послѣдующія царствованія—Феодора Ioannовича и Михаила Феодоровича въ царскихъ грамотахъ, какъ имена Воеводъ и Намѣстниковъ Казанскаго края, что говорить о прочномъ возвращеніи ихъ родовъ въ новоизбранномъ краѣ. (⁴) Что же касается до большинства выписанныхъ нами имень Казанскихъ аристократовъ XVI вѣка, то это предполо-

(¹) Курбс. I, 226.

(²) См. Прилож. къ 2 т. Сказ. Курбск. Устрялова.

(³) Курбс. II, 61.

(⁴) См. Акты. Истор. и Юридич. и древ. Цар. грам. Казан. и др. сос. губерн. Степ. Мельникова, изд. 1859 г. въ первыхъ шести №№.

жевіе потеряетъ значительную долю своей достовѣрности, если мы припомнимъ, что Московскіе Цари не любили, чтобы люди знатныхъ родовъ, по своей волѣ, оставляли Москву и Дворъ. По свидѣтельству Котошихина, при тишиншемъ Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ вся тогдашняя аристократія облазана была ежедневно, по два раза въ день, являемася во дворецъ; «если же некоторые бояре въ прїездѣ ко двору запаздывали, то Царь или гнѣвался на нихъ словами, или повелѣвалъ изъ палаты выслать воинъ, или же послалъ въ тюрьму». Такому ревнивому надзору подвергались бояре. Если кто изъ нихъ желалъ отлучиться въ свою вотчину, то долженъ былъ проситься въ отпускъ у самого Царя, и получалъ отпускъ на определенный срокъ. «А безъ отпуску съ Москвы сѣѣхать не смыѣеть никто ни на одинъ день.»⁽¹⁾ Если такъ строго наблюдалось за Московскою знатью при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, то каково же должно было быть положеніе аристократовъ при подозрительномъ Іоаннѣ IV? Вѣрѣ предполагать, при известной подозрительности Грознаго, что одна лишь опала удаляла Князей и бояръ въ ихъ имѣнія или на отдаленную воеводства и въ дальние города; большею же частію они должны были постоянно находиться подъ строгимъ наблюдениемъ Царскаго глаза, и окружены были сѣтью доносчиковъ, всегда готовыхъ перетолковать въ худую сторону самый невинный поступокъ, всякому неосторожному слову придать ложное толкованіе и на этомъ основаніи составить извѣтливый доносъ. Положеніе знатныхъ бояръ, сосланныхъ въ отдаленные города или удаленныхъ въ помѣстья, еще было хуже, чѣмъ положеніе остававшихся въ Москвѣ. Вдали отъ Москвы надзоръ быть еще строже, еще докучливѣе, и несчастный опальный ждалъ ежедневно посылки за нимъ изъ Москвы. Въ Москвѣ по крайней мѣрѣ опасность стояла лицомъ къ лицу, ее можно было прямо и предусмотрительно встрѣтить, если совсѣмъ нельзя было предотвратить. Заглавная опасность всегда страшила, враги, въ отсутствіе изъ Москвы опальнаго боярина, могли сочинить самые нелѣпые извѣты, самыя ужасныя обвиненія.... А потому пытка, отъ од-

⁽¹⁾ Котош. стр. 26.

ной мысли о которой леденѣла кровь, затѣмъ всѣ менѣе мучительная казнь. У всякаго боярина могъ найтись свой домашній *Савлукъ*, погубившій своимъ доносомъ Князя Владимира Андреевича, свой *Волынецъ*, погубившій своимъ доносомъ не только лучшихъ гражданъ Новгорода, но и цѣлый Новгородъ. Нужно припомнить, что перемѣна, совершившаяся въ Ioannѣ IV, падаетъ на тѣ самые годы (1566—1568), когда писана была Борисовыи и Кикиныи Казанская Писцовая книга. Большѣи Ioanna, во времѧ которой совершилось извѣстное разочарованіе его въ своихъ приближенныхъ, послѣдовала въ 1553 г. вскорѣ по возвращеніи изъ-подъ Казани; въ 1559 году умерла Царица Анастасія, и съ этого времени Ioannъ, не сдерживаемый своими прежними совѣтниками, мало по малу начинаетъ свою расправу съ боярами. Въ томъ-же году удаленъ Алексѣй Адашевъ и упѣлъ въ монастырь Сильвестръ, казненъ, извѣстный Казанскому краю по быстрому по давленію возстаній, Данило Адашевъ съ 17-лѣтнимъ сыномъ; наконецъ въ 1564 г. 3-го Декабря послѣдовали пресловутое удаленіе Ioanna въ Александровскую слободу и затѣмъ, чрезъ мѣсяцъ, знаменитое посланіе Царя къ митрополиту Aeanasию, положившее начало опричнѣ. Извѣстно намъ, какой послѣдовалъ распорядокъ въ Русской землѣ послѣ учрежденія опрични. На Царя были отобраны особые города и даже улицы въ столицѣ-Москвѣ, въ которыхъ велико было жить только тѣмъ боярамъ, дворянамъ и приказнымъ, которые были отобраны въ опричну: всѣ же земцы были переведены въ другіе города и улицы. У Соловьева подъ 1562 годомъ есть извѣстіе, взятое изъ рукописнаго лѣтописца Александро-Невской Лавры, (¹) что въ этотъ годъ *многіе бояре, Князья и дѣти боярскіе были сосланы въ Казань*. Изъ Писцовой книги мы видѣли, въ какомъ порядкѣ давались опальными дворы въ Казани (напр. Князю Андрею Стригину); но большая часть бояръ и прочихъ ссыльныхъ предпочитали, впрочемъ, вступать въ добровольныя сдѣлки съ жителями при покупкѣ домовъ.

(¹) См. Ист. Рос. Соловьева. Томъ VI изд. 2-е. страни. 223, прим. 83-е.

Такое переселение въ Казань многихъ ссыльныхъ лѣдъ разомъ вызвало особую административную мѣру: Казанскій посадъ приуждены были расширить и прибавить острожныхъ стѣнъ. Отъ Церкви Петра и Павла внизъ къ Булаку лежала прямая улица къ Проломнымъ воротамъ. При наплывѣ въ городъ массы ссыльныхъ, воеводы рѣшились заселить ими часть поля, примыкашаго къ этимъ Проломнымъ и лежавшимъ лѣвѣе ихъ Нагайскимъ воротамъ. Вотъ помѣтка Писцовой книги. «Къ Казанскому посаду прибавлено за острогомъ противъ Проломныхъ воротъ въ Арской сторонѣ межъ Булакомъ и межъ горы, что съ Арского поля подъ горою по Булаку вверхъ по дорожку, что дорожка отъ Арского поля отъ Ногайскихъ воротъ съ горы, прямо къ Булаку, ниже Кабана-озера были огороды.... архиепискупъ на 2 десятины, да огородъ Преображенского монастыря на 3 десятины. Да огороды же были воеводскіе и дьячыи и дѣтей боярскихъ и посадскихъ людей пустыя мѣста и сараи старые, всего на 10 десятинъ. И тѣ огороды и все мѣста помѣчены подъ дворы въ новой острогъ, а острогъ новый поставить отъ Нагайскихъ воротъ, съ Арского поля, съ горы, подлѣ дорожки и до Булака противъ Татарской слободы, для пространства посаду всякихъ людей, потому Государь Царь и Великій Князь прислали въ свою отчину, въ Казань на житѣе Князей и дѣтей боярскихъ многихъ людей и велѣлъ воевода въ Казани давать тѣмъ людямъ дворы и мѣста порожіе, подъ дворы; въ Казани на посадѣ дворовъ порожихъ и мѣсть пустыхъ не было.» Далѣе въ Писцовой книгѣ выписано распоряженіе Казанскаго воеводы «не пахать помянутыхъ огородовъ впередъ, на мѣсто же ихъ отвести поименованнымъ лицамъ оброчные-же огороды за новымъ острогомъ, за дорогою, къ Кабану озеру, и за Булакомъ, по другой сторонѣ, за старымъ острогомъ». Изъ этого опредѣленія мѣстоположенія огородовъ нельзя не видѣть, что городская стѣна Казанскаго посада (острогъ) шла на юго-востокѣ отъ тогдашняго Арского поля къ Булаку, огибая Вешнякову слободу (гдѣ нынѣ Церковь Николы Нового) и здѣсь переходила чрезъ Булакъ къ Кураишевскимъ воротамъ (къ Сѣнной площади). Въ этой слободѣ существовала уже во время составленія Писцовой книги Церковь Николая Чу-

дотворца. Въ Писцовой книгѣ есть помѣтка объ одномъ оброчномъ дворѣ, что онъ «стоитъ на старыхъ воеводскихъ огородахъ, въ новомъ острогѣ, отъ стараго острога противъ Николаи Чудотворца, что въ Вешняковой слободѣ.» Церковь эта по соображенію съ другимъ мѣстомъ Писцовой книги, называлась Церковью Николы Можайскаго. «Да отъ Булака подъ острогу къ Николѣ Можайскому дворъ книжъ Ивановъ княжъ Семеновъ сына Гагарина.» Постановленіе о распространеніи отъ Проломныхъ воротъ городовой стѣны подъ новые дворы Казанскихъ переведенцевъ, вѣроятно, было сдѣлано прежде, чѣмъ оно попало въ Писцовую Книгу, именно—въ то время, когда новый острогъ началъ строиться, а мѣстность, очерченная имъ, начала уже застраиваться домами. Проломные ворота были недалеко отъ Николо-Вешняковской Церкви и лежали съ нею на одной линіи.

Кромѣ Князей и бояръ, въ Казань въ 1565 году было сослано нѣсколько дѣтей боярскихъ. Между этими послѣдними Писцовая книга упоминаетъ о дворахъ боярскихъ дѣтей—Феодора Терентьевы Заболоцкаго, Григорія, Булгака и Андрея Онучиныхъ, Ивана Онучина, Казанскаго жильца. Дворы Онучиныхъ показаны около Николы Тульскаго. Въ исторіи Казаціи извѣстенъ Данило Онучинъ, у которого въ домѣ, послѣ пожара 23 Іюня, 1579 года, обрѣтена была чудотворная икона Богоматери. Не былъ ли этотъ Онучинъ сыномъ одного изъ этихъ записанныхъ въ Писцовой книгѣ Онучиныхъ? Въ рукописномъ описаніи явленія чудотворной иконы Казанской Богоматери Митр. Гермогена Онучинъ названъ «мужемъ, имущимъ мудрость на войнѣ стрѣльбою.» Вѣрно ли называютъ Онучина стрѣльцомъ? Не былъ-ли онъ боярскій сынъ, мелкій начальникъ стрѣлецкій, искусный въ стрѣльбѣ? На Казанскихъ башняхъ стояли на сторожѣ по 4 стрѣльца, подъ начальствомъ боярскаго сына, какъ видно изъ Писцовой Книги.

Въ числѣ переселеныхъ на жительство въ Казань Писцовая книга упоминаетъ объ именитыхъ людяхъ другихъ городовъ. Около нынѣшнаго втораго моста чрезъ Булакъ, въ Пушкарской улицѣ былъ «дворъ Парфентья да Константина Шухновыхъ дѣтей, большаго переведенца Псковскаго.» Какъ видно изъ описи Казанского торга, помѣщенной въ Писцовой книгѣ, Шухновы были купцы изъ Пскова.

Псковские переведенцы населяли особую Псковскую улицу, которая шла направо от Спасской улицы к Церкви Ап. Петра и Павла. Къ этимъ переведенцамъ изъ Пскова Писцовая книга причисляетъ гостей: Леву Сыроѣстину, Третьяку (¹) Васильева сына, Федота Балотникова, Тимофея Ступина, Ероху да Михалку Родионовыхъ, дѣтей Псковитина. Царская Московская политика не могла довѣрчиво относиться къ жителямъ древнихъ свободныхъ городовъ—Новгорода и Пскова, и еще до погрома Грознымъ этихъ городовъ въ 1569 году, по повелѣнію Царя, вѣроятно, много жителей Пскова были переведено на житѣе въ Казань. Мы знаемъ, что въ древнемъ Псковѣ, благодаря его торговымъ сношеніямъ съ Европою, въ XVI вѣкѣ развились особенно ремесла и искусства. (²) Такимъ образомъ переселеніе въ Казань Псковскихъ ремесленниковъ, мастеровъ и торговыхъ людей сдѣлано было Иоанномъ, можетъ быть, и съ культурными цѣлями,—съ цѣллю цивилизовать новый край. Большая часть вышепоименованныхъ Псковскихъ сведенцевъ были искусные серебряныхъ дѣль мастера, сообщаетъ Писцовая книга. Что кромѣ Псковитянъ были въ числѣ переведенцевъ люди изъ другихъ верховыхъ городовъ, показываетъ замѣтка Писцовой

(¹) Въ Писцовой книгѣ, какъ и въ другихъ памятникахъ XVI и XVII вѣка поражаютъ настъ странные имена людей тогдашняго времени: Шершень, Посникъ, Третьякъ, Большакъ и т. п. Это объясняется тѣмъ, что въ древней Руси долгое время, рядомъ съ христіанскими именами, у нашихъ предковъ шли древнія языческія имена (напр. Суeta и Кручина), которыми люди и назывались и писались. Иногда лишь при погребеніи узнавали христіанское имя какого-либо боярина или служилаго лица. Иногда измѣнили самыи страннымъ образомъ христіанскія имена. Иванъ, праздновавшій свои имянины въ день Иоанна Постнаго, превращался въ Посника, первый смаѣвъ сеѧть въ Большака, третій въ Третьяка а одинъ—въ Одинца, послѣдній въ Послѣдика. Николай, праздновавшій свои имянины въ день Вешняго Николы—въ Вешняка и т. д.

(²) См. статью объ этомъ предметѣ въ Журн. Мин. Нар. Просв. Декабрь 1843 г.

книги: «да гостиныхъ изъ верховыхъ городовъ, переведенныхъ въ Казань на житье, и у тѣхъ въ Казани на посадѣ 20 дворовъ.» На Казанскомъ посадѣ около нынѣшняго Гостинаго двора была также Вологодская улица, получившая, вѣроятно, это название отъ Вологодскихъ сведенцевъ. Съ другой стороны название Церкви Николы-Можайскаго, Николы-Боровскаго не даютъ ли права сдѣлать заключеніе о происхожденіи другихъ переведенцевъ Казанскихъ? Намъ известна удѣльная рознь древнихъ областей, доходившая до того, что каждая изъ областей почитала одинъ свои мѣстныя святыни, какъ бы, покровительствовавшія известному краю исключительно. На новомъ мѣстѣ своего поселенія русскіе переведенцы предпочитали сооружать храмы въ честь тѣхъ же святыхъ, какіе особенно чтились на ихъ родинѣ; въ такомъ случаѣ, тотчасъ по устройствѣ на новомъ мѣстѣ, переведенцами на родину послался вѣрный человѣкъ за спискомъ мѣстной иконы и новосооруженная Церковь получала название Николы Зарайскаго, Тульскаго и т. п., смотря по тому, изъ какого города происходили переселенцы. Очень можетъ быть, что, кроме Пскова, города Рязанской и Московской областей, города—Тула, Можайскъ, Зарайскъ выслали своихъ поселенцевъ въ Казань. Что же касается до Псковскихъ поселенцевъ, то они, вѣроятно, сосредоточивались около Церкви, построенной недалеко отъ Кремля стрѣлецкимъ атаманомъ Ляпуномъ, какъ показано въ Писцовой книжѣ. Близъ этой Церкви находились дворъ Истомы Ляпунова, сведенца Псковскаго. Былъ ли это дворъ этого самого Ляпуна или же его ближайшаго родственника? Если даже предположить, что самъ строитель Церкви былъ переведенъ изъ Казани, съ своими стрѣльцами, въ одинъ изъ низовыхъ городовъ, то наша догадка о происхожденіи изъ Пскова Истомы Ляпунова всетаки не потеряетъ своего правдоподобія. (1)

Писцовая Книга, перечисляя посадскихъ людей города Казани, дѣлить ихъ на три разряда. «Казанскихъ всякихъ торговыхъ мастеровыхъ людей добрыхъ—8 дворовъ,

---

(1) Руковод. къ Рус. Церк. Ист. Пр. Зяменскаго 1870 г.
стр. 36.

да среднихъ—40, да молотшихъ (младшихъ) 552 двора.» Въ XVI вѣкѣ, для правильнаго взиманія податей съ земли и съ дворовъ, были установлены *сохи*, *выти* или *обжи*. Въ земледѣльческомъ населеніи древней Руси единицею ценза служили, во-первыхъ, *соха*, крупная и общественная единица, для распределенія сборовъ по территоріи. Сохи были добрыя (т. е. доброй земли) отъ 600 до 860 десят. въ одномъ полѣ, а въ трехъ 2500—2400, средня 700—1000 и *дурные* 800—1200. Въ городахъ *сохи* считались по домамъ: па одну *соху* полагалось, при разверсткѣ податей или *тла*, лучшихъ дворовъ 40, среднихъ—80 и младшихъ—160. (¹) Другою такою единицей считалась въ селахъ и деревняхъ *выть* или *обжа*, мѣра частная, хозяйственная, для надѣла и владѣнія частныхъ хозяевъ. Соха имѣла до 71-й выти, а въ выти счищалось около 10-ти четвертей или 5-ти десятинъ. Что въ уѣздахъ была *выть*, то въ городахъ *дворъ*. Дворы уравновѣшивались не по величинѣ строеній, какъ и выти не по величинѣ участка, а по *животамъ* и *промышленамъ*. Отсюда дѣленіе дворовъ па *добрые*, *средніе* и *молодшие*. Писцовая книга не говоритъ намъ, за переведенцами изъ какихъ городовъ оставалось право считать себя самыми зажиточными гражданами Казани и сколько въ какомъ разрядѣ было переселенцевъ изъ той или другой мѣстности, или изъ какихъ мѣстностей переведенцы были болѣе промышленныя и зажиточнѣе другихъ жителей Казани. Очень можетъ быть, что находящееся у насъ подъ руками извлеченіе изъ Казанскихъ Писцовыхъ книгъ слишкомъ коротко и потому не можетъ отвѣтить на эти полныя интереса вопросы. При описаніи Казанскаго торга мы сдѣляемъ попытку рѣшить эти вопросы. Что касается до иногородныхъ переведенцевъ въ Казань изъ верховыхъ городовъ, то въ Писцовой Книгѣ упоминается о лавѣ се-ребрянаго мастера Рудака Борисова сына *Костромитина*, (т. е. урождѣнца Костромскаго). Были ли въ числѣ

(¹) Въ соч. Кн. Васильчикова «Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и др. Евр. Госуд.» Изд. 1876 г. Томъ 1. стр. 425 и дал. находится прекрасное изложеніе податной системы XVI и XVII в. въ Россіи.

переведенцевъ въ Казань жители Великаго Новгорода? На этотъ вопросъ отвѣтъ трудно. Въ Казанскомъ Спасскомъ монастырѣ есть запрестольный древній крестъ, совершенно сходный по фигурѣ съ Новгородскимъ Чудинымъ Крестомъ; не память ли это Новгородскихъ переведенцевъ?.. Въ Спасскомъ Синодикѣ записаны роды Казанскихъ жильцевъ съ прозваньями: Усолецъ, Балахонецъ, Брянчанинъ, Юрьевецъ, Унженинъ, Вяченинъ, Ржевитянинъ, Тверитянинъ, Суздалецъ, Борисоглѣбецъ, изъ Великаго Новгорода, Нижегородецъ, Володимерецъ. Нѣкоторыя прозванья повторяются пѣсколько разъ.

Одною изъ рѣзко бросающихся въ глаза особенностей нашихъ старинныхъ городовъ была скученность жилыхъ строеній и множество Церквей. Такая многочисленность Церквей въ старииномъ русскомъ городѣ объясняется тѣмъ, что въ древней Руси построеніе церкви считалось особено богоугоднымъ дѣломъ и многіе изъ зажиточныхъ горожанъ строили церкви, по обѣту, безъ особой необходимости для мѣстнаго населенія. Г. Мартыновъ, (1) описывая Москву XVI вѣка, приводить рядъ современныхъ свидѣтельствъ о существованіи въ нашей столицѣ при Иоаннѣ III и Грозномъ множество деревянныхъ церквей. Большая часть изъ этихъ церквей были «обыденныи» строившіяся въ одинъ день, по обѣщанію; другіе строили церкви на мѣстѣ казни своихъ родственниковъ,— они назывались «на крови» и ими во время террора царствованія Грознаго была буквально покрыта вся площасть, находившаяся предъ Флоровскими (Спасскими) воротами Московскаго Кремля, гдѣ Лобное мѣсто. Церкви эти являлись десятками такъ, что Стоглавый Соборъ въ 1551 году принужденъ былъ ограничить въ этомъ случаѣ благочестивое усердіе народа къ строенію церквей. Въ духовной литературѣ XV и XVI вѣковъ находимъ наставленія о томъ, что лучше помогать бѣднымъ, чѣмъ строить и украшать церкви. (2)

Въ Казани XVI вѣка также поражаетъ насъ значи-

(1) «Москва» изд. 1865 г. стр. XII.

(2) Руков. къ Рус. Церк. Исторії. Знаменского. 1870 г. стр. 159.

тельное количество церквей, въ сравненіи съ народонаселеніемъ. Въ городѣ или нынѣшнемъ Кремлѣ, часть городскихъ стѣнъ котораго сохранилась доселъ отъ временъ Иоанна IV, было до 14-ти церквей, считая въ томъ числѣ придѣльныя церкви; и у каждой изъ нихъ были особые причты. Придѣльныя церкви, по всей вѣроятности, строились (по крайней мѣрѣ нѣкоторыя) отдельно отъ главной церкви. Такъ при Благовѣщенскомъ Соборѣ состояли въ XVI в. двѣ придѣльныя церкви. Изслѣдуя архитектуру Собора настоящаго времени, мы не можемъ нигдѣ открыть слѣдовъ древнихъ пристроекъ къ Собору, въ видѣ придѣловъ, какъ мы ихъ понимаемъ теперь; находящіеся при Соборѣ въ настоящее время придѣлы, равно какъ и Соборная трапеза, носятъ на себѣ явные слѣды позднѣйшей архитектуры. Устройствомъ придѣльныхъ церквей послѣ Стоглава не хотѣли ли наши предки обойти постановленіе этого Собора о неумноженіи церквей, при несомнѣнно существовавшемъ благочестивомъ стремлѣніи въ тогдашнемъ обществѣ къ постройкѣ новыхъ церквей?..

Перечислимъ церкви, существовавшія въ Казани въ XVI вѣкѣ. Необходимо замѣтить, что большая часть этихъ церквей были деревянныя и, по всей вѣроятности, самой простой архитектуры. Изъ нѣкоторыхъ письменныхъ документовъ XVI вѣка и изъ сохранившихся въ Псковѣ и Новгородѣ старинныхъ церквей, можно заключить, (¹) что деревянныя церкви тогдашняго времени состояли изъ двухъ простыхъ срубовъ—изъ одного большаго и другаго меньшаго и назначенныхъ для главной церкви и для алтаря; половина смыжныхъ стѣнъ занималась и замѣнялась простою деревянною перегородкою, съ 2-мя дверями; перегородка эта и составляла иконостасъ, который обивался басмою или басменомъ,

---

(¹) Форму такой Церкви можно видѣть въ деревянной церкви, приписываемой Иоанну Васильевичу IV, въ Свѣтлѣскомъ Женскомъ монастырѣ. Рисунокъ деревянной церкви, близъ Новгорода, построенной также при Царѣ Иоаннѣ Грозномъ, былъ помѣщенъ въ Памятной книжкѣ 1860 года.

т. е. мѣдными или оловянными, позолоченными листовымъ золотомъ, узорчатыми пластинками,⁽¹⁾ а за тѣмъ иконостасъ убѣшивался обыкновенными домовыми иконами, внизу которыхъ на иконостасѣ привѣшивались разнообразныя целены. Этимъ простымъ и недорогимъ устройствомъ тогдашихъ церквей объясняется ихъ многочисленность. Что касается утварей церковныхъ, то и онѣ не составляли предмета значительныхъ расходовъ. Въ Писцовыхъ кни-гахъ сохранились описи тогдашихъ Каз. церквей, изъ которыхъ оказывается, что только очень немногія изъ нихъ были снабжены дорогую серебриною утварью и парчевою ризницею. Даже Царскіе вклады въ Казанекій церкви ограничивались мѣдными *вольячими* (вылитыми) напрестольными крестами, деревянными точеными сосудами и желѣзными звѣздцами и лжицами: большая часть ризъ и стихарей дѣлалась изъ *бази* (хлопчато-бумажной матеріи), *китайки* и *выбойки*.

Въ XVI вѣкѣ въ Казанскомъ Кремльѣ были: Соборъ Благовѣщенскій, съ двумя придѣльными церквами, Церковь на Спасскихъ воротахъ во имя Спаса-Нерукотвореннаго, Церковь на Воскресенскихъ воротахъ во имя Воскресенія Христова, Церковь Св. Кирилла и Устини, Церковь Димитрія Селуискаго, съ предѣломъ у Димитріевскихъ воротъ, Церковь Введенія Пресв. Богородицы, съ придѣломъ, у Царскаго двора, Церковь Пр. Сергія у Тюменскихъ воротъ, съ придѣломъ. Въ Преображенскомъ монастырѣ были двѣ церкви: Церковь Преображенія Господня, деревянная, и Николая Чудотворца—каменная.

Въ Казанскомъ посадѣ стояли слѣдующія церкви: Церковь Ап. Петра и Павла, стоявшая на ся настоящемъ мѣстѣ, — Николы Боровскаго (нынѣ Николо-Магистрат-

---

(1) Слово «басма» значитъ «форма», въ которую выливали пластинки или басменъ. См. Зап. Имп. Арх. Общ., 1833. т. V О метал. производствѣ въ Россіи. Образецъ прекрасно сдѣланнаго золотаго басмена можно видѣть на образѣ Святит. Алексія, XVI вѣка, въ Казанской Богоявленской Церкви. Серебрянымъ басменомъ обить Деиусъ надъ вратами лѣтней церкви въ Казанскомъ Ивановскомъ монастырѣ.

ская).—Николы Чудотворца, съ предѣломъ Зосимы и Савватія, построенная Стрѣлецкимъ атаманомъ Янушомъ (нынѣ Николо-Ляпуновская) Николы Гостиннаго, позади Рыбнаго ряда, въ Гостиномъ дворѣ. (недавно выстроенная впопъ купц. Постниковымъ и Саватьевымъ)—Николы Зарайскаго, съ предѣломъ во имя Параскевы—Пятницы (нынѣшняя Пятницкая Церковь), Церковь Воздвиженія Креста Господня (на нынѣшнемъ ея мѣстѣ), Церковь Николы Тульскаго (на мѣстѣ нынѣшняго теплого храма Казанскаго монастыря), Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, Церковь Николы Можайскаго, въ Веняковой слободѣ или Николы Новаго. *Перехватъ Булакъ, за мостомъ на лѣвой сторонѣ* стояли: Церковь Ярославскихъ Чудотворцевъ: Феодора, Давида и Константина и Церковь Успенія Пресвятой Богородицы, въ Ямской слободѣ. Всѣ церкви въ Казанскомъ Кремлѣ, кроме Спасо-Преображенскаго монастыря, Церкви Введенія Пресвятой Богородицы и Церкви Сергіевской, были выстроены Государемъ и состояли *на руку*, т. е. прибыли имъ пользовались денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ отъ казны, а церкви деньгами на расходы. Изъ Посадскихъ церквей ружными считались только три церкви: Покровская, Николы Гостиннаго и Ярославскихъ Чудотворцевъ. Остальныя церкви были выстроены прихожанами и содержались ими же. Нельзя не замѣтить при постройкѣ послѣднихъ церквей нѣкоторыхъ особенностей. Тогдашняя Казанская аристократія, не смотря на большое число городскихъ церквей, хотѣла имѣть свою церковь и построила въ Кремлѣ у Царского двора Церковь Введенскую. Объ этой Церкви въ Писцовой книжѣ сдѣлана слѣдующая помѣтка: «Поставленье (постройка) и строеніе (снабженіе утварью) воеводское и юдовальщицкое; жалованья и руги попамъ иѣтъ.» Церковь Сергія Чудотворца въ Кремлѣ построена была на суммы Сергіевской Лавры, «Архимандрита съ братію; къ ней Государева приклада: деревянные сосуды и дѣль, выбойки.» О нѣкоторыхъ изъ церквей Казанскаго посада въ Писцовой книжѣ сдѣлана припись: «поставленье все мѣрское» (например, о Церкви Николы Чудотворца Боровскаго и о Церкви Успенской). О Церкви Никольской, называемой нынѣ Стрѣлецкою или Ляпуновою, замѣчено, что она поставленья и строенія Ляпуна, а другая при-

дѣльнал при ней «Церковь Косьма и Демьянъ поставлене все и строене мірское.» О Церкви Николы Гостинаго сказано, что постанове все и церковное строеніе попа Григорія и мірское. О Церкви Николы Зарайскаго (Пятницкой) замѣчено: «поставлене и все церковное строеніе бывшаго попа Феодора, да приходское. Такимъ образомъ въ сооруженіи церквей принимало дѣятельное участіе, наравнѣ съ прихожанами, и духовенство своимъ достаткомъ. Это участіе духовенства въ строеніи церквей сдѣлается понятнымъ, если мы вспомнимъ, что въ XVI вѣкѣ духовное званіе было открыто для лицъ всѣхъ сословій и въ священники поступали иногда благочестивые зажиточные міряне, нерѣдко изъ купцовъ, которые и употребляли свой достатокъ на нужды Церкви. Описаніе Казанскихъ церквей, помѣщенніе въ Писцовой книгѣ, имѣетъ для исторіи Казави весьма большое значеніе. Въ «Исторіи Казани» Рычкова помѣщено описаніе Казанскихъ церквей Пестрикова, сдѣланное въ XVIII стол. Въ этомъ описаніи построеніе Церкви Николы Гостинаго относится къ 1634 году, Покровской Церкви—къ 1682 г. Воздвиженской Церкви—къ 1686 г. Петроавловской Церкви—къ 1726 году. Церкви Николы Вешнякова къ 1674 году, Воскресенской—къ 1671 и 1734. Николо-Ляпуновской—къ 1695 году. Церкви Ярославскихъ Чудотворцевъ—къ 1737 году. По Писцовой книгѣ всѣ эти Церкви существовали въ Казани въ XVI вѣкѣ. Но всей вѣроятности, записанные Пестриковымъ годы построенія Казанскихъ церквей означаютъ время, когда вмѣсто деревянныхъ церквей построены были, по сложкѣ прежнихъ ветхихъ, каменные. ⁽¹⁾

При нѣкоторыхъ церквяхъ были богадѣльни, при нѣкоторыхъ были кельи старцевъ убогихъ. При Церкви Николы Гостинаго было 2 кельи, «а въ кельяхъ живутъ старцы, питаюсь отъ Церкви» показано въ Писцовой книгѣ. При Церкви Николы Ляпунова, вѣроятно, хромоздателемъ также была устроена богадѣльня. У Церкви Ни-

⁽¹⁾ Сравн. въ Извѣст. по Казанск. Епарх. за 1871 г. № 182-й съ книгою Рычкова «Опытъ Казанской Исторіи» 1767 г. стр. 174—186.

коло Зарайского стояло въ сколько богоадѣлій. При Церкви Успенской стояло 11-ть келей старцевъ и старицъ нишихъ. О Церквяхъ Воздвиженской, Николы Тульского и Николы Можайского въ Писцовой книгѣ вѣдь никакихъ замѣчаній. Одно мѣсто въ Писцовой книгѣ заставляетъ предполагать о существованіи, въ 1566 году Воскресенской Церкви. При исчислении дворовъ на посадѣ въ Писцовой книгѣ сказано. «Съ большой Спасской улицы ѿдучи къ Воскресенью въ переулокъ на лѣво» Спасская улица, начинавшаяся около Спасскихъ воротъ, оканчивалась у конца нынѣшняго Гостиныхъ ряда переулкомъ на лѣво въ Воскресенскую улицу. Въ 1873 году, при прокладываніи водопроводныхъ трубъ, при Церкви Воскресенія Христова открыто было значительное количество полусгнившихъ дубовыхъ гробовъ и человѣческихъ костей. Не было ли у этой церкви, стоявшей на краю Казани, Убогаго дома или Скудельницы, гдѣ въ древности хоронились утопшіе, замерзшіе, казненные и т. п. Приходяне другихъ приходскихъ церквей, вѣроятно, погребались при своихъ приходскихъ церквяхъ, какъ это было въ Москвѣ въ XVI столѣтіи (¹) При постройкахъ въ Преображенскомъ монастырѣ въ 1866 году открыто было въ землѣ много человѣческихъ костей; это показываетъ, что въ оградѣ этого монастыря также было кладбище. Предположеніе это подтверждается открытиемъ въ этомъ монастырѣ въ 1869 г. двухъ могильныхъ склеповъ. Вероятно по Писцовой книгѣ Зилантовскій монастырь показанъ въ 2-хъ верстахъ отъ Казани за *Русскимъ кладбищемъ*. Это русское кладбище, вѣроятно, находилось гдѣ-либо въ Адмиралтейской Слободѣ и непремѣнно на мѣстѣ сухомъ и возвышенномъ, и ни въ какомъ случаѣ на мѣстѣ, заливаемомъ водою весеннаго разлива. Въ этомъ отношеніи рассматриваемая нами Писцовая книга не даетъ намъ никакихъ указаний на то, почему мѣстность, занимаемая въ

(¹) См. Москва. Мартынова, стр. XXI. Въ старинныхъ городахъ не рѣдкость при перестройкѣ церквей напасть на кладбище. Въ сороковыхъ годахъ нашли цѣлое кладбище или убогій домъ въ Нижнемъ Новгородѣ у Предтеченской церкви, стоящей недалеко отъ кремля.

настоящее время Казанскимъ памятникомъ, почитается мѣстомъ погребенія русскихъ воиновъ, павшихъ подъ Казанью въ 1552 г.

Любопытно было бы решить вопросъ, изъ какихъ городовъ или областей Россіи было, по своему происхождению, городское духовенство Казани въ XVI вѣкѣ. Несловая книга не даетъ намъ никакого указания по этому предмету; она сообщаетъ намъ лишь имена священниковъ, состоявшихъ въ 1566—68 годахъ при вѣкоторыхъ церквяхъ на Посадѣ. При Петропавловской церкви былъ священникомъ строитель этой церкви о. Василій, при этой Церкви былъ и дьяконъ между тѣмъ, какъ дьякововъ не было ни при одной изъ кремлевскихъ церквей, кроме Собора. У Николы Боровскаго числился священникомъ о. Симеонъ, также съ дьякономъ. У Церкви Николы Гостинаго о. Григорій, также строитель своей церкви. При Церкви Ярославскихъ Чудотворцевъ священникомъ былъ о. Пётръ. Церковь Пятницкая была построена о. Феодоромъ, но онъ уже въ 1566 г. оставилъ службу и жилъ въ своемъ домѣ при церкви за штатомъ, Накопецъ у Церкви Покрова Пр. Богородицы былъ священникомъ о. Феодоръ, а у Успенія—о. Тихонъ. Но всей вѣроятности, большая часть Казанского духовенства прибыла въ Казань со Свят. Гуріемъ, первымъ Архиепископомъ Казанскимъ. Изъ житія Святителей Казанскихъ, составленнаго Патр. Гермогеномъ, видно, что свят. Гурій пришелъ въ Казань «со Архимандриты, и со священными мужи, и съ честными монахи, и съ прочими людьми»; въ первый же день по прибытіи онъ служилъ Литургію «со архимандриты и со всемъ священнымъ соборомъ и послѣ службы послалъ тотчасъ же грамоту къ Самодержцу и къ Митрополиту о своемъ благополучномъ прибытіи въ Казань». (¹) Такимъ образомъ первое начало Казанскому духовенству положено священниками и прочими людьми, прибывшими съ св. Гуріемъ въ Казань, вѣроятно, въ надеждѣ получить священный санъ. Изъ отвѣтнаго письма Грознаго Свят

(¹) Житіе и жизнь иже во св. отецъ наш. Гурія и Варсонофія и проч. У Арх. Пл. Любарск. гл. 8 стр. 18.

Гурю 1557 года, Апр. 5-го⁽¹⁾ видно, что Святитель просил незадолго предъ тѣмъ Матр. Макарія о высылкѣ къ себѣ людей, по всей вѣроятности, духовшаго сана, и Митрополитъ готовъ былъ этихъ людей выслать. Что это были люди не мірскіе и не ремесленники, это видно изъ того, что распоряженіе о высылкѣ въ Казань, такихъ людей дѣжалось Царемъ помимо духовной власти, а чрезъ власть гражданскую. Таково извѣстное распоряженіе 1555 г. Декабря 15-го Новгородскимъ дьякамъ Еремееву и Дубровскому о высылкѣ въ Казань Псковскихъ мастеровъ.⁽²⁾ Замѣтка Писцовой книги о иѣкоторыхъ изъ городскихъ Казанскихъ церквей что они построены священниками вмѣстѣ съ мірянами, можетъ быть объяснена и въ смыслѣ общаго радѣнія, общихъ заботъ о построеніи приходскаго храма—прихожане довѣрили своему выборному, излюбленному священнику построеніе церкви и онъ строилъ ее на доброхотные пожертвованія благочестивыхъ людей или же па опредѣленную приходомъ денежнную сумму для церковной постройки. Чтобы пользоваться полнымъ довѣріемъ прихожанъ или же свой достатокъ посвящать церкви, для всего этого нужно было своимъ человѣкомъ приходу. Потому легко предположить, что священники иѣкоторыхъ Казанскихъ церквей были, по происхожденію своему, тѣ же переведенцы, которые смотря потому, изъ какого города вышли, сосредоточивались въ извѣстныхъ частяхъ Казани, строили себѣ церкви во имя святаго, своего прежняго Покровителя. Выборное начало въ XVI вѣкѣ относительно приходскаго духовенства практиковалось въ обширномъ размѣрѣ. Въ Столгавѣ мы находимъ описание того, какъ въ Новгородѣ, каждая улица, обыкновенно составлявшая особый приходъ, выбирала изъ среды своихъ жителей кандидата на Церковное мѣсто и шла къ владыкѣ посвящать новоизбраннаго. Если владыка, вопреки желанію прихожанъ, посыпалъ къ церкви своего кандидата, такому Новгородцы немедля отказывали. Въ историческихъ памятникахъ древней Руси очень часто встрѣчаются примѣры

(1) См. Изд. Древн. Рос. Вивлію. часть V-я.

(2) Доп. къ Истор. Акт. т. I № 82.

подобныхъ договоровъ выборныхъ священниковъ съ прихожанами; договорами этими опредѣлялась мѣра денежнаго вознаграждения священнику и давалось со стороны прихода обѣщаніе не отказывать ему отъ мѣста по канзизу, безъ вины со стороны священно-служителя. Въ концѣ XVI вѣка Московское Государство, въ видѣ того, чтобы «его службы и тягла никто не избывалъ» начало стѣснять поставленіе въ священный санъ людей служилыхъ и тяглыхъ, отчего первыми и потомъ единственными кандидатами на священство остались исключительно люди изъ духовнаго сословія.—Несмотря на то, что въ XVI вѣкѣ въ Россіи повсемѣстно существовало это выборное духовенство, положеніе его было далеко не завидное. Большинство церквей получало отъ Правительства ругу, но въ такомъ маломъ количествѣ, что она могла имѣть значеніе, какъ одно изъ средствъ къ содержанию, лишь наряду съ другими доходами. Въ большинствѣ приходовъ содержаніе причта вполнѣ зависѣло отъ прихожанъ. Все это можно примѣнить и къ содержанію Казанскаго духовенства. Изъ Писцовой книги видно, что изъ всего Казанскаго духовенства хорошимъ содержаніемъ пользовалось лишь одно лицо изъ бѣлаго духовенства, именно—Протопопъ Соборный. Онъ получалъ годового жалованья 15 р., на сукно для расы ему давалось отъ казны 2 рубли и хлѣбной руги 50 четвертей хлѣба и 50 четв. овса въ большую мѣру, да 50 пудовъ соли. (стр. 17 и 18) Чтобы понять мѣру вознагражденій, нужно вспомнить тогдашнее значеніе этихъ духовныхъ сановниковъ, которымъ вѣроятно значительная доля епархиальнаго духовнаго управлениія. Въ значительныхъ городахъ въ протопопы назначались люди, по большей части лично известные Царю. Значеніе этихъ духовныхъ сановниковъ уяснится намъ, если мы вспомнимъ, что всѣ русскіе соборы, даже при решеніи такихъ вопросовъ, какъ избрание Архиепископовъ въ известные и почему-либо важные города приглашались заѣдать и протопопы. При избрании св. Турия въ Казань на архиепископію 3-го февраля, 1555 г. находились протопоны —Владимирскій и Новгородскій. (1)

(1) Татищ., стр. 415.

Въ XVII вѣкѣ протопопамъ Московскимъ и иногороднимъ ввѣreno было патріахомъ великое дѣло исправленія богослужебныхъ книгъ. Припомнимъ разговоры Алексѣя Михайловича съ о. Аввакумомъ Петровичемъ, изъ которыхъ видно, какъ протопопъ близко стоялъ къ Государю. (См. Житіе Аввакума.) Казанское соборное духовенство состояло, кроме протопопа, изъ 5-ти священниковъ и протодіакона, которымъ шло Государево жалованья только по 5 рубл. и по 11 четвертей хлѣба и овса, да 3 пуда соли; но содержаніе и положеніе Каѳедральнаго духовенства было довольно споснное: оно получало свою долю въ архіерейскомъ подъѣздѣ. При Грозномъ была опредѣлена денежная сумма, которую приходское духовенство должно было платить ежегодно за архіерейскій подъѣздъ (т. е. за обозрѣніе архіереемъ епархиальныхъ церквей), хотя бы архіерей и неѣздила по епархіи. Сверхъ того собирали получали отъ приходского духовенства иѣкоторую часть изъ ихъ праздничного дохода, что называлось «праздничною гривною.» Кромѣ того по Писцовой книгѣ (стр. 18) значится «за протопопомъ соборнымъ съ братією, сверхъ годовые руги Государева жалованья на Волгѣ, въ Тетюшскихъ водахъ рыбный ловли, 15 связокъ плавныхъ, а емлють со связки по 2 рубли, да пошлины съ рубля по 10-ти денегъ.» При Соборѣ числилось 4-ре дьякона, съ жалованьемъ по 4 руб., по 30 алт. на сукно и съ хлѣбнымъ священническимъ жалованьемъ. Остальное духовенство ружныхъ кремлевскихъ церквей получало жалованья отъ 5 рубл. до 3-хъ въ годъ и отъ 11-ти до 9-ти четвертей въ годъ овса и столько-же хлѣба, да по 3 пуда соли. Въ Спасской Кремлевской Церкви, надъ вратами, было два священника, получавшихъ высшій окладъ по 5-ти рублей. Что же касается до духовенства церквей, стоявшихъ на посадѣ, виѣ кремля (въ острогѣ) то жалованья священнику шло по 4-ре, по 3-ри и по 2-ва рубли, а хлѣба и овса отъ 6 до 4 четвертей съ осминою въ годъ. Это уменьшеніе жалованья и хлѣбнаго отпуска на духовенство посада въ сравненіи съ духовенствомъ города, конечно, сдѣлано было въ виду содержанія отъ прихожанъ, которые приписаны были къ каждой церкви. Иѣкоторые церкви вовсе не имѣли ни хлѣбной руги, ни денежнаго жалованья. Содержаніе высшаго клира было

весьма малое—дьячекъ получалъ полтора рубля, а пово-
маръ лишь 50 копѣекъ въ годъ жалованья при приход-
ской и по 2 рубля при соборной церкви; хлѣбное жало-
ванье шло имъ также въ весьма ограниченномъ размѣрѣ:
пономарь получалъ въ годъ хлѣба и овса по 4-ре чет-
верти съ осьминой, а при Соборѣ по 6-ти четей: дьячкамъ,
которые полагались штатомъ лишь у немногихъ Казан-
скихъ церквей, (Писц. книга упоминаетъ объ одномъ
лишь штатномъ дьячкѣ при Церкви Спаса Нерукотво-
ренаго) давалось по 6-ти четверт. хлѣба и постольку же
овса. Наконецъ при вѣкоторыхъ церквяхъ полагались въ
числь причта просвири (проскурица, пресвирица). Это
были, вѣроятно, духовныя, если не мірскія вдовы, положе-
ніе которыхъ тогда было не лучше нищенскаго. Въ
Писц. книгѣ онѣ сопоставляются на ряду съ нищими,
питавшимися отъ церкви: «у Церкви Николы Гостина въ
келияхъ живутъ пономарь да проскурица, да въ двухъ
келияхъ живутъ старцы, *питаясь отъ церкви.*» (стр. 38).
Положеніе вдовы въ древней Руси было самое убогое и
лишенное всякой самостоятельности. «Вдовья бѣда гор-
чае всѣхъ людей» говорятъ современные документы. Вдо-
ва должна была носить платье *смирныхъ вдовихъ* цвѣ-
товъ; самыя матеріи, употребляемыя на платье вдовами,
получали название *вдовы тафты*. ⁽¹⁾ Вдова бездѣтна, у которой
со смертью мужа разрушилась семья, по убѣжденію XVI
вѣка, равнялась въ своемъ значеніи съ *сиротою*, т. е. па-
равнѣ съ убогими, калѣками и другими беззащитными
личностями, поступала подъ покровительство Церкви, при-
числялась къ людямъ церковнымъ, *богадѣльнымъ*, забота
объ участіи которыхъ была дѣломъ Божіимъ, а не мір-
скимъ. Такимъ образомъ бездѣтныя вдовы находили за-
конное прибѣжище около церкви и, пріотившись здѣсь
иногда въ видѣ просфорницы, получали подачки отъ міра.
Казна смотрѣла на вдовъ такъ-же, какъ на сиротъ, и
потому просвири по штату пользовались самыми мизер-
ными содержаніемъ. Писцовая книга замѣчаетъ при ис-
числѣніи жалованья причтамъ, что на просвиры и на кутью

(1) Забѣлин. Домаш. бытъ рус. Царца, стр. 58.

просвирнъ выдается въ годъ по 15 алтынъ. Лишь при соборной Благовѣщенской церкви проскураицъ (Писц. книга, стран. 18) шло «годовая руги за стрянию по алтыну денегъ, да хлѣба по 5 чети ржи, да полпяты чети овса въ большую мѣру, да на просвиры и кутью за 6 четей пшеницы 20 алт. денегъ.» Обычай смотрѣть на приходскую церковь, какъ на пріютъ людей неимущихъ и сиротъ, еще доселѣ глубоко укорененъ въ русскомъ народѣ. Мы помнимъ то время, когда при сельскихъ церквяхъ стоялъ длинный рядъ келлій для вдовъ и сиротъ и какъ усердно сельскій людъ при горѣ и на радостяхъ питалъ этихъ келейныхъ старухъ. Этотъ обычай сохраняется во многихъ мѣстахъ и доселѣ. Въ журналѣ обозрѣнія Его Высокопреосвященствомъ, Антониемъ, Архіепископомъ Казанскимъ своей епархіи въ 1876 году сказано, что въ Свѣтлѣкѣ, послѣ окончанія Литургіи въ женскомъ монастырѣ, одна старушка обратилась къ Владыкѣ съ словесной просьбой о дозволеніи ей устроить при церкви подгороднаго села, Введенской Слободы, келлію. ⁽¹⁾

Таково было материальное обеспеченіе Казанского духовенства XVI вѣка; какъ мы видѣли выше, это обезнеченіе было довольно скромныхъ размѣровъ. Что касается до поддержанія причтовъ прихожанами; то и въ этомъ случаѣ нельзя было считать причты Казани болѣе или менѣе обезнеченными. Мы будемъ видѣть ниже, что Казань, заселившись жителями другихъ городовъ, будучи, такъ сказать, колоніею русскихъ областей, и сама, при постепенномъ завоеваніи Низового края русскими войсками и поселенцами, дѣлалась мало по малу метрополіею и высыпала свои колоніи все далѣе на востокъ. Поэтому Казанское населеніе постоянно мѣнялось и убывало. Къ этому прибавимъ еще *пустование* многихъ Казанскихъ дворовъ, всѣдѣствіе систематического бѣгства жителей ея изъ города на землю, отъ городскихъ промысловъ, представлявшихъ мало обезнеченія, къ землемѣдѣльческому труду. Явленіе, бывшее повсемѣстнымъ въ Россіи XVI и XVII столѣтій.

Когда дѣло касается обезнеченія Казанского духовен-

⁽¹⁾ См. Каз. Епарх. Извѣстія за 1877 г., стр. 91-я.

ства XVI вѣка, невольно является предположеніе, подтверждаемое отчасти и письменными памятниками: не имѣло ли оно еще кромѣ записанныхъ въ Писцовой книгѣ жалованья и хлѣбныхъ дачь или отнусковъ, особаго источника содержашія? Въ лѣтописяхъ тогдашняго времени есть слѣдующее извѣстіе, помѣщенное при опредѣленіи Архіепископа Гурія въ Казань. «И уложилъ благочестивый Царь, говорить это извѣстіе, и Великій Князь Иванъ Владыкъ (Гурію) и всѣмъ церквамъ (Казанскаго края) обѣщанное Богу, изъ доходовъ Казанскіе земли десятое. А сперва Митрополитъ (Макарій) и всѣ Владыки и монастыри да пособствуютъ Казанскому Владыкѣ деньгами и хлѣбомъ.»⁽¹⁾ Было-ли жалованье духовенству, упоминаемое въ Писцовой книгѣ, этою десятиною или же кромѣ этого казеннаго содержанія десятина изъ доходовъ Казавскихъ передавалась прямо воеводами Казани въ руки Архіепископа, въ его распоряженіе,— вопросъ этотъ не поддается прямому решенію. Изъ письма Грознаго къ Св. Гурію въ 1557 году. Апр. 5-го дня видно, что изъ казенныхъ сборовъ иногда выдавались Казанскими воеводами Архіепископу, съ разрешеніемъ Царя, особая (сверхсметныя) суммы на дѣло возвращенія Христианства въ новомъ краѣ и устройства Казанскаго духовенства. «И на дѣло доброе, пишетъ Царь, не пожалѣю, не откажу... а болѣе что надобѣ и ты чини комѣ и я пришлю»⁽²⁾. При такой готовности Цара помогать нуждамъ новой архіепископіи, при христіанскомъ, благомъ настроеніи первыхъ трехъ Архіепископовъ Казани, которыхъ Апостольскіе труды и до сихъ поръ живутъ въ преданіяхъ края, нѣть сомнѣнія, что обѣщанная Грознымъ десятина изъ доходовъ Казанскаго края шла на обезпечenie духовенства въ краѣ, тѣмъ болѣе что это духовенство имѣло право на обезпечениe, обрекая себя на трудовую и опасную жизнь въ новомъ краѣ.

Казань XVI вѣка, не смотря на свое важное значеніе центра русской колонизаціи среди инородческаго населенія, была все-таки прежде всего важнымъ военнымъ

(1) Щербатовъ стр. 414 и 415-я.

(2) Прод. Древн. Рос. Вивліо., ч. V.

пунктомъ. Потому главнымъ элементомъ ехъ населенія было воинное сословіе: *дѣти боярскіе, стрѣльцы, пушкари, затинники, дрѣби и татары-новокрещены*. Стрѣльцы составляли регулярную пѣхоту, пушкари, дриби и затинники служили при *нарядѣ* или артиллеріи, боярскіе дѣти составляли регулярную, а татары иррегулярную конницу.

Іоанну IV приписываютъ⁽¹⁾ устройство у нась въ Россіи первого регуляршаго войска—стрѣльцовъ. Стрѣльцы были первымъ напімъ опытомъ нестолннаго войска: это были солдаты, воспитываемые и содержимые Государствомъ для войны. Но первый опытъ постонннаго войска въ Россіи показалъ и его невыгодная стороны. Стрѣлецкія войска, не занимаясь земледѣлемъ, а получая готовое содержаніе отъ казны и проводя праздную жизнь, отличались буйствомъ, своею ліемъ и склонностію къ насилиямъ надъ мирными жителями. Лучшіе и трудолюбивые изъ стрѣльцовъ, занимаясь безпошлиною торговлей, подрыгвали торговлю и причиняли убытокъ другимъ купцамъ: стрѣльцы-торговцы не рѣдко отказывались отъ уплаты законныхъ пошлинъ за торговлю, занимались контрабандой, корчевствомъ и т. п. Власти должны были смотрѣть на эти проказы сквозь пальцы, потому что стрѣльцы составляли хорошо сплоченную вооруженную силу, которая внослѣдствіи становилась часъ отъ часу грознѣе. При указанной наими невыгодѣ или опасности имѣть стрѣлецкіе полки, содержаніе ихъ цадало тяжелымъ бременемъ на государственный ежегодный бюджетъ. Къ концу царствованія Алексея Михайловича, по свидѣтельству Корба⁽²⁾, жалованье рядового стрѣльца доходило до 7-ми рубл. въ годъ, а хлѣбное годовое довольствіе или провіантъ до 12-ти четвертей ржи и столько же овса. Сверхъ того казна должна была содержать стрѣльцовъ, почему-либо выбывшихъ изъ строя (по увѣчью, за болѣзнію, за старостью) и массу стрѣлецкихъ женъ, дѣтей,

⁽¹⁾ Герберштейнъ, впрочемъ, говорить, что еще при Василѣ Іоанновичѣ было учреждено два корпуса стрѣлковъ, изъ коихъ одинъ былъ пѣшій, а другой конный. Ксѣ. Морков., р. 50.

⁽²⁾ Дневн. Корба., стр. 189-я.

вдовъ и сиротъ. Кажется, что проницательный умъ Грознаго замѣтилъ эти невыгоды постоянного войска, но крайней мѣрѣ къ концу его царствованія стрѣлецкое войско не только не увеличилось, но какъ-будто уменьшилось. Увеличеніе корпуса сгрѣльцовъ послѣдовало въ послѣдствіи, при Государяхъ дома Романовыхъ.

Учрежденіе стрѣльцовъ было вызвано обстоятельствами. Въ періодъ татарскаго ига русскіе усвоили отъ татаръ обыкновеніе наносить ударъ въ бою непріятелю конніцею—тактика чисто-татарская⁽¹⁾—и потому Правительство старалось составлять войска преимущественно изъ кавалеріи. Чтобы содержать значительную массу кавалеріи, необходимо затрачивать много денегъ; поэтому Московскіе князья обратились къ довольно вѣрному средству комплектовать армію преимущественно кавалеристами, а именно—къ преобразованію корпуса *боярскихъ дѣтей*. При Ioanni III русское правительство начало раздавать земли или помѣстья боярскимъ дѣтямъ⁽²⁾, обязавъ ихъ, въ случаѣ войны, выставлять известное число ратниковъ, преимущественно конныхъ и съ ними являться на войну лично на конѣ, а иногда и съ запасными лошадьми. Дѣти боярскіе назывались такъ не потому, чтобы они набирались изъ дѣтей бояръ. Очень можетъ быть, что сначала въ ряды ихъ поступали одни молодые люди знатныхъ родовъ, но впослѣдствіи мы видимъ въ этомъ служиломъ сословіи людей различнаго происхожденія, даже дѣтей духовенства⁽³⁾, оказавшихъ какую-либо услугу государству, преимущественно въ бою. При Василіѣ Ioанновичѣ корпусъ дѣтей боярскихъ былъ очень многочисленъ,—число ихъ простиралось до 300.000. Содержаніе этого корпуса ничего не стоило Государству, потому что каждый боярскій

⁽¹⁾ Татары сражались, не стоя на мѣстѣ, а на скаку действуя стрѣлами и копьами.

⁽²⁾ Въ первый разъ упоминается о дѣтихъ боярскихъ въ 1259 году.

⁽³⁾ Есть очень любопытное извѣстіе, что въ 1681 году въ сословіе дѣтей боярскихъ поступилъ поповъ сынъ и получилъ земли помѣстной 200 четвертей и денегъ 6 руб. Рус. Древн. Успенскаго, стр. 177.

сынъ съ своимъ отрадомъ бралъ изъ дома провиантъ и фуражъ при выступлениі въ походъ. Надѣливъ помѣстьями дѣтей боярскихъ, русское Правительство заставило ихъ вкусить благъ мирной жизни, отчего воинственность ихъ быстро началася упадать. явился вредиѣшій классъ *ильтчиковъ* или *ильтей* (отъ слова «иѣть»), т. е. такихъ боярскихъ дѣтей, которые уклонялись отъ службы, скрывались въ своихъ помѣстьяхъ и не являясь на сборные военные пункты по мнимой болѣзни. Па *ильтей* клалась Государева опала, по *ильтей* посылались чиновники, которымъ предоставилась, когда они смыщутъ *ильтя*, бить его нещадно батоги и кнутомъ, но *ильти* благополучно избѣгали всѣхъ этихъ золъ посредствомъ подарковъ и пословъ, противъ которыхъ не могли устоять падкія на корысть сердца царскихъ сыновиковъ. Безпорядки въ служиломъ сословіи увеличились особено въ дѣтство Грознаго, въ періодъ самовластія бояръ. Такіе беспорядки, въ связи съ другими причинами, заставили цари Іоанна IV подумать о заведеніи въ Россіи постоянного войска. Этими побочными причинами были — недостаточность воинского искусства въ корпусѣ дѣтей боярскихъ, какъ людей не привыкшихъ къ дисциплинѣ и въ строю, а также и новые усилѣя военного искусства въ Европѣ. Но мѣръ расширенія предѣловъ Россіи, памъ доводилось сражаться не съ одними нестройными полчищами татаръ, а съ регулярными войсками Германіи, Литвы, Польши, Ливоніи. Главною заботою благоразумнаго Вел. Кн. Іоанна III было введеніе въ войскахъ строгой дисциплины, но ее-то и недоставало у дѣтей боярскихъ. Послѣ Смоленского похода сынъ Іоанновъ, Димитрій, жаловался отцу, что многие изъ боярскихъ дѣтей, безъ его вѣдома, подступали подъ городъ, отѣзжали изъ станицы и грабили волости. Конные войска, состоявшія изъ дѣтей боярскихъ, отличались въ дѣлѣ стремительностию натиска, но не стойкостію, они дѣйствовали совершенно во вкусѣ азіатской конницы. Иностранные путешественники очень хорошо понимали эту слабую сторону нашихъ войскъ. Нападая на непріятеля, по замѣчанію иностранцевъ, русскіе, какъ будто, говорили ему: «бѣги скорѣе, а иначе мы сами тотчасъ побѣжимъ.» Въ 1511 году послы Ливонскаго мастера Плетенберга цисали къ нему изъ Москвы, что

русские не имѣютъ хорошаго войска. Тогдашняя русская пѣхота, довольно малочисленная, преимущественно употреблялась для защиты крѣпостей, располагалась въ засадахъ и только въ некоторыхъ битвахъ удерживала сомкнутымъ строемъ натискъ непріятеля: но сомкнутый строй, при плохомъ обученіи войскъ, на время войны взлыхъ огъ сохи, былъ очень слабъ, и непріятелю было легко разгромить пѣхоту: потому битву обыкновенно оканчивала не стойкость пѣхоты, не удачная ея атака на непріятеля, а большею частію внезапное появленіе войскъ, поставленныхъ въ засадѣ. Припомнить обстоятельства Куликовской битвы и сравнимъ съ ними описание взятія Казани. Тамъ влиетъ на битву засадный корпусъ, здѣсь неожиданный взрывъ городскихъ стѣнъ. Чувствуя потребность имѣть дисциплинированную, хорошо обученную пѣхоту, Иоаннъ III положилъ начало постоянной иностранной дружинѣ, посыпавъ ее въ слободахъ за Москвою-рѣкою. Видно, что Иоаннъ IV въ началѣ своего царствованія особенно хорошо относился къ этимъ иностраннымъ войскамъ. Въ библіотекахъ Ватиканской и Валачелли въ Римѣ находятся рукописи, подъ заглавіемъ: «Извѣстіе объ обширныхъ земляхъ, богатствѣ, могуществѣ и проч. сильнаго Императора и Великаго князя Московскаго»,⁽¹⁾ принадлежащая неизвѣстному автору, жившему въ Россіи и едавшему не служившему въ войскахъ Иоанна IV, около 1553 года. Авторъ пишетъ: «нашъ Императоръ (Иоаннъ IV), будучи юнъ, читаль много исторію Римскаго и другихъ Государствъ, бесѣдоваль часто съ умными иноземцами, польскими и пѣмецкими военными людьми и взяль себѣ въ образецъ великихъ римлянъ. Войско свое онъ устроилъ по образцу французовъ.» Характеръ этого замѣчанія и сообщаемыя имъ свѣдѣнія весьма много говорять объ отношеніяхъ Грознаго къ иностранцамъ, служившимъ въ его войскахъ. Въ царствованіе Феодора Иоанновича и въ началѣ царствованія Годунова въ войскахъ русскихъ было 4300 немцевъ и поляковъ, 4000 казаковъ литовскихъ, 159 шотландцевъ и нидерландцевъ и до 100 скандинавовъ.

(1) См. Чтен. въ Имп. Общ. ист. и древн. за 1863 г. статью «Древн. путеш. иностр. въ Россіи», стр. 129 и 130.

какъ свидѣтельствуютъ Флетчерь и Маржеретт. Но казы-
иа хороши были иностранныя войска въ Россіи, очевидна
была необходимость для Государства имѣть хорошую рус-
скую пѣхоту—вслѣдствіе этого и является попытка соста-
вить стрѣлецкій войска.

Учрежденіе стрѣльцовъ нисколько не уменьшало зна-
ченія дѣтей боярскихъ. Какъ мы видѣли выше, въ Пис-
цовой книгѣ упоминается о проживавшихъ въ Казач-
скомъ Кремлѣ боярскихъ дѣтихъ; также и на посадѣ было
дворовъ княжихъ, дѣтей боярскихъ, старыхъ и новыхъ
жильцовъ 161 дворъ. (Писцовая книга, стр. 43 и 44). Князь
Юрій Пронскій-Шемякинъ, донося Іоанну ЗV о взятіи
Астрахани, упоминаетъ, что въ передовомъ отрядѣ, при
завоеваніи Астрахани, были у него «дѣти боярскіе и
атаманы (стрѣлецкіе) изъ Казанія». (1) Что касается до
Казанскихъ жильцовъ, то и о нихъ упоминается въ со-
временныхъ источникахъ, именно — при походѣ Данила
Адашева на татаръ въ Октябрѣ 1555 года участвовали
Казанскіе жильцы, съ своимъ начальникомъ Иваномъ Мо-
ховымъ. (2) Жильцы были молодые люди, происходившие
изъ дворянъ, дѣтей княжескихъ, боярскихъ, стряпче-
скихъ и стольническихъ, которые обязаны были, для охра-
ны царя и столицы, жить постоянно въ Москвѣ, гдѣ
они и составляли родъ гвардіи или отряда царскихъ тѣ-
лохранителей. Въ послѣдствіи времени ихъ начали по-
сыпать въ отдаленные города. Въ 1558 году часть жиль-
цовъ изъ Москвы послана была съ княземъ Димитріемъ
Вищневецкимъ въ Кабарду. Какъ и боярскіе дѣти, жильцы
получали земли отъ 380 до 1000 четвертей и денежный
окладъ, иногда доходившій до 82 рублей. Изъ жильцовъ
производились въ стряпчіе, въ воеводы небольшихъ го-
родовъ, въ головы дворянскихъ полковъ и т. д.

Въ Казанскомъ посадѣ были въ различныхъ мѣстахъ
стрѣлецкія слободы. Вотъ какія свѣдѣнія можно по-
черпнуть о положеніи ихъ въ Казани изъ Писцовой
книги (стр. 41). «Въ Казани на посадѣ въ острогѣ
слобода стрѣлецкая, приборъ Третьяка Мертвого; въ

(1) Щербат. стр. 402-я.

(2) Тамъ же, стр. 410-я.

1566 году стрѣлецкій голова *Третьякъ*⁽¹⁾ Мертвой, со всеми стрѣльцы, изъ Казани посланъ на Государеву службу, на житѣе въ Астрахань, и въ той слободѣ у стрѣльцовъ покупали дворы дѣти боярскіе, старые и новые жильцы и посадскіе люди и стрѣльцы и иныхъ стрѣлецкихъ головъ прибору, которые въ Казани остались, а иные садились жить на порозжихъ стрѣлецкихъ мѣстѣхъ, а иные стрѣлецкіе мѣста доселѣ порозжи. Изъ этой замѣтки Писцовой книги видно, что стрѣльцы не одинъ разъ переселены были изъ Казани въ Астрахань. Дворы этихъ переселеныхъ стрѣльцовъ или стрѣлецкія слободы находились на окраинѣ тогдашней Казани «близъ Воскресенской церкви», по направленію «къ Спасскимъ острожнымъ воротамъ», которыхъ стояли при концѣ нынѣшней Воскресенской улицы. Стрѣлецкая слобода отсюда шла къ Проломнымъ воротамъ и Николо-Вешняковской Церкви на Булакъ. Это были стрѣлецкіе дворы *Хохлова прибора*, головы стрѣлецкаго; его же прибора стрѣльцы жили на Воскресенской улицѣ, и въ переулкѣ, шедшемъ съ этой улицы налево и въ другомъ переулкѣ направо. Такимъ образомъ Воскресенская Церковь была, какъ-бы, церковью стрѣльцовъ. ⁽²⁾ Поселеніе стрѣльцовъ на окраинѣ города также имѣло свою цѣль. Вся юго-восточная сторона острожной стѣны, обращенная къ Арскому полю, требовала особенно предусмотрительной защиты, — это былъ самый доступный фронтъ Казани, какъ военной крѣпости. ⁽³⁾ Около острожной стѣны, по направленію отъ Воскресенской церкви къ Арскимъ воротамъ и далѣе за ними, какъ мы увидимъ ниже, были также стрѣлецкія слободы. У самыхъ Арскихъ воротъ въ острогѣ находилась сторожевая изба или караульня, а на Арскихъ воротахъ находился усиленный отрядъ сторожевыхъ стрѣльцовъ (10 челов.). Предъ Арскими воротами извѣсть выстроенъ былъ татарскій таможенный дворъ, обнес-

⁽¹⁾ Третій сынъ у отца. См. примѣч. на стр. 38-й.

⁽²⁾ Не потому ли эта Церковь у Гедеозиста Шестрикова названа «Церковью въ Солдатскихъ слободахъ»?..

⁽³⁾ Въ Москвѣ стрѣлецкія слободы шли по земляному валу. См. «Москва», стр. XXII.

сеный тыномъ, что-то въ родѣ передоваго или *мостового укрепленія* (*tête de pont*) при концѣ моста чрезъ городской ровъ, окружавшій, какъ известно, съ этой стороны Казанскую стѣну. Близь Ногайскихъ воротъ, въ районѣ расположенія стрѣльцовъ Хохлова, была другая сторожевая изба (Писцовая книга стр. 50). Даѣше мы читаемъ въ Писцовой книгѣ (стр. 44 и сл.) новое перечисленіе Казанскихъ стрѣлецкихъ слободъ. Стрѣльцы пишутся *по приборамъ* своихъ головъ. По всей вѣроятности, выборъ, а можетъ быть и вербовка изъ свободныхъ людей, которыхъ тогда бродило такъ много на Руси,—изъ крестьянскихъ дѣтей, изъ батраковъ, бобылей или казаковъ и изъ иной головыбы предоставленъ былъ головамъ стрѣлецкихъ полковъ. Отъ этого набора, произошло обыкновеніе называть полки *приборомъ*. Догадка наша подтверждается слѣдующимъ соображеніемъ. Паралельно съ наборомъ въ войска, существовалъ на Руси тогда обычай помѣщиковъ приглашать или набирать на свои земли для поселенія крестьянъ, и эти крестьяне назывались *приборомъ такого-то*. Въ тогдашихъ актахъ и законахъ писалось: «а сколько человѣкъ въ крестьяне *приберутъ* и учнутъ тѣхъ *прибору* своего крестьяна притѣснiti...» Въ XVII столѣтіи, по словамъ Котошихина,⁽¹⁾ для составленія по выхъ стрѣлецкихъ полковъ вербовка охотниковъ примѣнилась въ обширной степени.

Въ шестидесятыхъ годахъ XVI в. въ Казани находились стрѣльцы различныхъ приборовъ. «Въ Казани-же на посадѣ, по Писц. книгѣ (стр. 44 и сл.), въ острогѣ слободы стрѣлецкие *подъ острогу* и въ улицахъ дворы стрѣлецкихъ головъ и сотниковъ стрѣлецкихъ и стрѣлецкіе и въ которой слободѣ въ чево прибору стрѣльцы и то писало порознь.» Послѣ этого заглавія слѣдуетъ перечисленіе стрѣлецкихъ дворовъ того же прибору Хохлова. Дворы эти сосредоточивались около церкви Воздвиженія и Погапаго Озера, отсюда дома стрѣльцовъ тянулись въ разбродаѣ Арскою улицею къ Арскимъ острожнымъ воротамъ, съ Арской улицы въ переулокъ къ Бѣлому Озеру, направо подъ острога, гдѣ стрѣлецкая слобода и соединялась съ прежде

(1) Котоших., стран. 109-я.

упомянутыми стрѣлецкими дворами, стоявшими вѣво отъ Воскресенской улицы. Другая часть стрѣлецкихъ дворовъ шла съ Арской улицы въ переулки на лѣво, къ острожной стѣнѣ: дворы стояли, около острога. Дворъ стрѣлецкаго головы Данилы Парфентьевыя сына Хохлова находился между Поганымъ Озеромъ и церковью Воздвиженскою, тамъ, где нынѣ находится зданіе уѣзднаго училища. Въ полку Хохлова Нисцовая книга упоминаетъ о сотникахъ-Елизарѣ Иванѣ и Четвертакѣ⁽¹⁾ Жолищевѣ. Прозванье послѣдняго намекаетъ на его польское происхожденіе (zolnierz—солдатъ); мы ниже увидимъ другія польскія названія солдатъ, когда пойдетъ рѣчъ о переселенцахъ изъ Полоцка. Въ описаніи артиллерійскаго запаса упоминается о сотнѣ Василія Мещеринова и о пяти десятскихъ нового прибора Никиты Боровскаго, да о сотнѣ Елизара Глаткова. Стрѣльцы другаго стрѣлецкаго голэви Суботы Григорьевыя Чаадаева поселились около Церкви Николы-Тульскаго: дома ихъ шли по направлению отъ этой церкви къ Іцели, а отсюда въ большую Арскую улицу и отъ нея къ острожнымъ Кабацкимъ воротамъ. У Церкви Николы-Тульскаго стоялъ домъ Суботы Чаадаева. Мы здѣсь опять встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ, которое замѣтили выше,—слобода стрѣлецкая Чаадаева идетъ по сѣверо-восточной, а Хохлова по юго-восточной окраинамъ города. Повидимому, на всю юго-западную линію крѣпости, какъ татары, такъ и русскіе весьма мало обращали вниманія, считая ее достаточно укрѣпленною самою природою, а именно—крутыми спусками горныхъ склоновъ къ Булаку, самимъ Булакомъ въ его типистыми берегами и, можетъ быть, передовымъ укрѣпленіемъ или стѣною за Булакомъ. Всѣхъ стрѣльцовъ обоихъ полковъ въ Казани въ двухъ стрѣлецкихъ слободахъ по Нисцовой книгѣ (стр. 46) считалось: 2 двора головъ стрѣлецкихъ, 10 дворовъ стрѣлецкихъ сотниковъ, 9 дворовъ пятидесятниковъ, а у рядныхъ (рядовыхъ) стрѣльцовъ было дворовъ 549 и людей 557 человѣкъ, да

(1) Четвертый сынъ у отца, точно также, какъ имя Суббота—родившійся въ Субботу, на манеръ Робинзона слуги Пятницы.

стрѣльцовъ прибора Мертвого, оставшихся на старыхъ мѣстахъ 51 человѣкъ,—всего 307 человѣкъ. Такимъ образомъ каждый отрядъ, состоявшій подъ начальствомъ особыго головы, состоялъ изъ 300 человѣкъ. Эти числа почти согласны съ обыкновеннымъ комплектомъ стрѣлецкихъ полковъ: потому что при Алексѣѣ Михайловичѣ 40-тысячное стрѣлецкое войско было раздѣлено на 14-ть полковъ, что также составитъ численность каждого полка въ 280 человѣкъ. Раздѣленіе войскъ на малые отряды было тогда дѣломъ обычнымъ во всѣхъ Европейскихъ арміяхъ, а стрѣлецкое войско было подражаніемъ войскамъ иностранныхъ армій. Вооруженіе стрѣлецкихъ войскъ состояло въ сѣкирахъ, сабляхъ, копьяхъ и пищаляхъ, которые назывались рушницами или завѣсными пищалями; потому что вѣшались на ремиѣ чрезъ плечо. Стрѣльцы бывали и конные; въ случаѣ же передвиженій и пѣхоту сажали на лошадей. Вѣроятно, и въ Казани стрѣльцы дѣлались на конныхъ и пѣшихъ. Въ Синодикѣ Спасскому вписанъ родъ одного пьшаю стрѣльца. Въ это смутное для Казанского царства время стрѣльцы часто совершали походы то въ Арскую землю, то въ различные мѣстности Ногайской и Луговой страны. Въ Спас. Синодикѣ подъ 7064 годомъ (1556 г.) подъ 4-мъ Марта вписаны воины, «избіенніи въ Арску и въ Чалымъ и въ Искомъ-Юртѣ.»

Послѣ стрѣльцовъ нисшимъ сословіемъ были пушкари или артиллеристы. Къ артиллерійской прислугѣ въ древней Руси причислялись: пушкари, затинники, илотники, кузнецы. Чтобы дать понятіе о тогдашней артиллерійской прислугѣ, я считаю не лишнимъ сообщить читателямъ нѣкоторыя подробности о тогдашихъ артиллерійскихъ орудіяхъ. Въ Россіи появились пушки еще въ XIV вѣкѣ. Въ княжение Василія Димитріевича въ Москвѣ стали дѣлать порохъ, а стѣны ея вооружили пушками. Это такъ подѣствовало въ 1408 году на татаръ, осадившихъ Москву, подъ предводительствомъ Эдигея, что они не отважились близко подойти къ Московскому стѣнамъ и тотчасъ-же отступили. Пушки назывались тогда, какъ видно изъ Голицынской лѣтописи, арматами и откеною стрѣльбою. Вѣроятно, мы обязаны были знакомствомъ съ артиллерию сношеніямъ Польг-

рода съ Ганзейскими городами. Потому наша артиллериа XV и XVI столѣтіи прошла всѣ фазисы исторического развитія, какіе имѣла артиллериа Европейскихъ государствъ. Сначала артиллериа употреблялась во всей Европѣ лишь при осадѣ и на защиту городовъ. Осадныя пушки совершенно замѣняли древніе балисты и катапульты, которыми бросали въ осажденный городъ громадной величины камни, вѣсомъ въ не сколько сотъ фунтовъ: потому первоначальный орудія можно считать лишь усовершенствованными механическими метательными снарядами. Въ катапультахъ⁽¹⁾ камень или копье бросалось на дальнее разстояніе тую-натянутою тетивою, а въ первыхъ артил. орудіяхъ—силою пороха. Отъ того первая орудія имѣли иѣкоторое сходство съ гаубицами и состояли изъ двухъ цилиндровъ, изъ которыхъ передний, въ который клади снарядъ, дѣлался болѣшаго диаметра, чѣмъ задній, куда насыпался порохъ. Для выстрѣла изъ орудія оба цилиндра скрѣплялись между собою, иногда даже подъ прямымъ угломъ, наподобие наугольника. Какъ каналъ (т. е. большої цилиндръ), такъ и камера выковывалась изъ желѣзныхъ полостей, которые скрѣплялись, для предосторожности отъ разрыва, желѣзными обручами. Непрочность такого устройства орудій и медленность приготовленія ихъ заставили артиллеристовъ тогдашняго времени придумать отливку орудій изъ мѣди и чугуна. Вскорѣ артиллерийскія орудія дошли до громадныхъ размѣровъ, такъ что иногда бросали ядра и камни до 253 фунтовъ.⁽²⁾ Но при существованіи въ XV и XVI вѣкахъ орудій огромныхъ калибровъ, отливали и небольшія орудія, изъ которыхъ стрѣляли желѣзными и

---

(1) Въ древности ихъ называли *самострѣльные туши* или *шереширы*, какъ они называются въ Словѣ о Полку Игоревѣ.

(2) При Кремлевской часовнѣ въ Казани хранится "дро каменное въ 6 пудовъ". По Башмаковской разрядной книгѣ, въ 7085 году въ Ливонскомъ походѣ были пушки: Кольчатал, ядро 6 пудъ. Ушатая—ядро въ 6 пуд., 4-ре пушки верхнихъ, ядра по 6 п., пищаль Орель, ядро полтретьл пуда, пищаль Медвѣдь, 1 пудъ.

свинцовыми ядрами. Орудія тогдашняго времена не имѣли
цианфъ (т. е. сплошныхъ поперечныхъ цилиндровъ, наход-
ящихся посерединѣ, по бокамъ пушки, посредствомъ ко-
торыхъ орудіе ставится на лафетъ и можетъ двигаться
вверхъ и внизъ), а привязывались веревками или прико-
нивались особенными желѣзными болтами къ колодамъ
или станкамъ. Въ послѣдствіи времени стали придавать
спереди станковъ пушечныхъ небольшія колеса. При
осадѣ Казани это нововведеніе было принято русскою
артиллерию, какъ гидно изъ Писцовой книги. Такой спо-
собъ прикрѣпленія орудій былъ чрезвычайно невыгоденъ
для прицѣльной стрѣльбы изъ орудій,—орудіе лишь съ
большимъ трудомъ можно было навести на данный пред-
метъ. Самое заряженіе производилось такъ медленно,
что иногда не представлялось возможности сдѣлать бо-
льше двухъ или трехъ выстрѣловъ въ день изъ большихъ
пушекъ. Предполагая, что чѣмъ длиннѣе орудіе, тѣмъ
больше будетъ дальность выстрѣла, старались дѣлать
пушки по возможности длиннѣе. Въ XVI вѣкѣ являются
также мортиры, называемыя по русски *можжесирами*, упо-
треблявшіяся преимущественно для стрѣльбы зажига-
тельными снарядами. Нужно полагать, что эти орудія
также назывались въ старину у насъ *верховыми* пуш-
ками; потому что они давали возможность поражать крѣ-
пости на высокихъ выстрѣлами подъ большими углами воз-
вышенія. Разумѣется, они рѣзко отличались отъ нынѣш-
нихъ мортиръ и скорѣе походили на первобытныя же-
лѣзныя пушки съ двумя цилиндрами. Калибръ этихъ
орудій былъ отъ 200 до 25 фунт. Подобныи орудія мень-
шаго калибра назывались *гауфнитсами* или *гаубицами*.
Въ нашихъ старинныхъ спискахъ они называются *дробо-
виками* и *гаубицами*. Кажется, эти же орудія называетъ
Курбскій *куфами*.⁽¹⁾ Подъ Казанью были у насъ «пушки
среднія и огнennія, имиже вверхъ стрѣлють», какъ
говорить Курбскій; такихъ пушекъ стояло около всей
Казани до 150, меньшія изъ орудій были по полторы
сажени. Около царскаго шатра кромѣ того стояли многія
польныя или полковыя пушки.⁽²⁾ Царственная книга,

(1) Курб. 24.

(2) Тамъ-же стр. 25-а.

описывал осаду Казани, говорить: «Изъ пушекъ же изъ стѣнобитныхъ, и верхними ядры огненными и каменными безпрестанно стрѣляху изъ пищалей стрѣльцы». ⁽¹⁾ Такимъ образомъ мы видимъ, что при взлтіи Казани были уже мортиры, изъ которыхъ стрѣляли каменными ядрами и, какъ кажется, калеными лдрами, или другаго рода зажигательными снарядами, потому что въ Царственной книгѣ упоминается о пожарахъ въ Казани во время осады. До изобрѣтенія пороха бросали такія зажигательныя вещества изъ различныхъ метательныхъ снарядовъ. Наши древніе письменные памятники упоминаютъ чаще все о пищалхъ; пищали носятъ очень различные наименования: пищали ручныя, гладкія, гравильныя, винтовальныя, затинныя, завѣсныя, шестерики, осмерики и т. д. Подъ именемъ пищали прежде всего надобно разумѣть наше обыкновенное крѣпостное ружье на станкѣ, но только большаго калибра, а также болѣе легкія ружья, изъ которыхъ все-таки стрѣляли съ сошекъ: этими болѣе легкими ружьями были вооружены пѣхотинцы или стрѣльцы, пищали эти вначе назывались *рушицами* и *ружьями*. Но такъ какъ были пищали десяти-пудовые и болѣе, то и нужно допустить, что пищалями назывались также и мало-калиберные пушки. Помѣщенная въ запискахъ Археологич. Общества за 1851 годъ, Опись Оружейной Палаты Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря упоминаетъ о слѣдующихъ пушкахъ-пищалхъ: «пищаль, три аршина, жезловая гладкая съ пояскомъ; пищаль желѣзная затинная отъ казны до пояса грановитая, прозваниемъ Шарило, длиною въ два аршина и двѣ трети.» ⁽²⁾ Писцовая книга упоминаетъ при описаніи

---

(1) См. Цар. кн. стр. 295. О каменныхъ ядрахъ не упоминается въ Писцовой книгѣ, но въ Казани сохранились эти лдра, изъ которыхъ одно хранится въ часовнѣ Кремлевской церкви, а другія въ Музѣѣ при Университетѣ: вѣсъ первого 226 фунт. діаметры и вѣсъ другихъ ядеръ гораздо менѣе.

(2) Запис. Отд. Русск. и Слав. Археологии Импер. Археол. Общ. 1851 года т. I.

Казанского арсенала⁽¹⁾ о пищальныхъ ставкахъ затинныхъ, о рушницахъ со станками. о станкахъ пушечныхъ и о различныхъ принадлежностяхъ къ этимъ станкамъ,—о кольцахъ съ пробоями, о гвоздяхъ съ кольцами заднихъ станковыхъ, о гвоздяхъ съ подъемными крючьями; пушечные станки были на колесахъ и на деревянныхъ желѣзныхъ осяхъ, съ кольцами и подъемными крючьями пушечными, которыми лафеты подвигали и откатывали, а также отвозили пушки съ батарей. Въ Казанской Исторіи есть слѣдующее мѣсто: «Вскорѣ придоша многіе полки и, вземши великолѣпныя пушки, имѧ единої *Кольцо*, другої имѧ *Ушатая* и огненныя пушки и пищали и *Змѣй свертной* и *Змѣй лѣтящий* и всѣ стѣнобитныя замышленія, отъ обоихъ подкоповъ *откатита*». ⁽²⁾ Прежнія пушки обременялись множествомъ цепуѣзныхъ украшений; *спинограду* (той части пушекъ, которую орудія оканчиваются со стороны тарели) и *дельфинамъ* (верхнимъ кольцамъ) давали видъ какихъ-либо звѣрей, отчего каждому орудію присвоялось имѧ какого-нибудь вредного животнаго: *змѣй*, *драконъ*, *грифъ*, *свистунъ*, *соколъ*, *левъ* и т. п. Изъ Писцовой книги видно, что часть этихъ пушекъ была оставлена Грознымъ въ новопокоренной Казани. При перечислении спарядовъ пушечныхъ и пищальныхъ въ книгѣ записано: «у Царскаго Стараго двора, въ мечети 640 ядеръ желѣзныхъ Соколовыхъ (т. е. пушки Сокола) и Змѣя Свертнаго; 100 ядеръ прибрано ко Львовѣ Головѣ, да 50 къ Грановитой; ядеръ желѣзныхъ затинныхъ (отъ пищалей) 78 пудъ безъ 5-ти гривенокъ; тутъ же хранились пушечные станки Змѣя Свертнаго и Сокола Свертнаго. Противъ Царскаго двора лежали ядра вогненныя, «а счасти ихъ нельзя, что слились вмѣсто, а сказали городничіе, что въ спискѣ тѣхъ ядеръ написано 591 ядро.» ⁽³⁾ Въ этой записи настъ должно удивить, что для каждой пушки назначались особые ядра, но это объясняется тѣмъ, что у насъ долго не было постоянныхъ калибровъ для пушекъ, а каждый литейщикъ отливалъ орудія по

(1) Писц. книга, стр. 7—10.

(2) Каз. Ист., стр. 230-я.

(3) Писц. книга, 8 и 9 стр.

произволу, такъ что для каждого орудія требовались особые снаряды. Кромѣ этого большая часть нашихъ пушекъ въ XVI вѣкѣ получалась изъ западно-европейскихъ государствъ⁽¹⁾ и притомъ изъ разныхъ мѣстъ. Это способствовало существованію въ нашей артиллериѣ пушекъ самыхъ разнообразныхъ калибровъ. Къ этимъ разнообразнымъ пушкамъ кузнецы выковывали различные, сообразные съ калибромъ каждой, ядра. Въ 1555 году Грозный писалъ къ Новгородскимъ дьякамъ: «Какъ къ вамъ пушкари приѣдутъ, то вы немедленно велите Новгородскимъ кузнецамъ сдѣлать 600 ядеръ желѣзныхъ по кружаламъ, какія посланы съ пушкарями, и велите кузнецамъ ядра дѣлать круглыя и гладкія и какъ имъ укажуть пушкари. Дайте пушкарямъ десять холстовъ, триста листовъ бумаги лоброй, большой, толстой (вѣроятно на заряды), 22 пятка льну малаго мягкаго, да 20 саженъ ужище (веревку), восемь коробокъ на ядра и на мѣшки, двадцать гриненокъ свинцу.»⁽²⁾ Ленъ, кажется, употреблялся для дѣлания пыжей. Въ Казанскомъ арсеналѣ хранилось 28 пудовъ льна. Что же касается до бумаги, то въ Писцовой книжѣ (стр. 8) показано «да дести съ двѣ бумаги, и дѣлаютъ въ ней въ затравъ мѣшечки». Что касается затинныхъ пищалей, то ихъ название происходит отъ слова затинъ—зарядъ: эти пищали иначе назывались измаковницами. Онѣ бывали или винтовальныя, т. е. въ ложахъ съ замками или же со змѣйками, т. е. съ цилиндрическими затравками, въ которыхъ насыпался порохъ, который и поджигался фитилемъ, какъ это дѣлается и доселѣ въ войскахъ средне-азіатскихъ и китайскихъ. Пищали большія затинныя ставили на желѣзныхъ вилахъ,⁽³⁾ вбитыхъ въ колоду. Заряжались затинныя

(1) Большая часть орудій получалась изъ Голландии. Въ Москву долго несли орудій, но потомъ стали приготавливать ихъ сами русскіе; кромѣ Москвы орудія отливались въ Великомъ Устюгѣ.

(2) Ист. Соловьева, т. VII стр. 20. Гриненка—вѣсъ нѣсколько менѣе полфунта, въ послѣствіи мы взяли за единицу вѣса пѣменецкій фунтъ (pfund).

(3) Образецъ такой пищали можно видѣть и доселѣ въ Музѣѣ Казан. Университета.

пищали съ казенного винта, гдѣ пищаль запиралась же-лѣзною *плиткою* съ чеками. Въ Писцовой книгѣ въ артил. складѣ значится 15 пудъ чекъ желѣзныхъ отъ пищалей. Понятно, что этотъ способъ заряжавія былъ придуманъ по причинѣ несовершенства лафетовъ, которые весьма трудно было откатывать и накатывать въ амбра-зуру, но, по всей вѣроятности, при выстрѣлѣ газы вырывались въ запоръ и скоро портили орудія. Въ Казанскомъ арсеналѣ было очень много пищалей негодныхъ, какъ видно изъ Писцовой книги. Въ нашихъ старинныхъ арсеналахъ иногда находятъ пищали, заряжавшіяся съ казны. Для того, чтобы избѣжать отдачи орудія, пашали и пушки привязывались веревками или ужищемъ къ стѣнѣ или къ кольямъ, для того въ лафетѣ были особыя кольца, о которыхъ упоминается въ Писцовой книгѣ. Ручные пищали и пищали небольшаго, двухъ и полуторнаго калибра противъ ружейнаго, заряжались съ дула. Въ Писцовой книгѣ есть запись: «140 прутиковъ пищальныхъ и 29 пищальныхъ змѣекъ». Вѣроятно, подъ именемъ прутиковъ разумѣется нѣчто въ родѣ шомпола. Отъ затинныхъ пищалей произошло название части артиллерійской прислуги—*затинщики*, стрѣлявшіе преимущественно изъ мало-калиберныхъ пушекъ, между тѣмъ какъ пушкари, можетъ быть, стрѣляли изъ крѣпостныхъ и осадныхъ орудій. Къ артиллерійской прислугѣ причислялись плотники и кузнецы. Пушкари въ Казани жили около Булака. «Отъ мосту противъ Зеленаго двора, отъ Булаку къ городу, въ Пушкарской улицѣ дворы по обѣ стороны пушкарей...» значится въ Писцовой книгѣ (страница 29.) *Государевы кузнецы* также упоминаются въ Писцовой книгѣ.⁽¹⁾ Въ переулкѣ направо отъ Спасской улицы въ дворѣ жалованного кузнеца Герасима жили тоже кузнецы Худонка Денисовъ, да Иванко Симельникъ, а рядомъ еще стоялъ дворъ жалованного кузнеца Меншичка. Въ дворахъ Герасима и Меншичка стояли двѣ Государевы кузницы: на этихъ кузницахъ дѣлали лишь одно Государево дѣло, т. е. казенную работу. Государевы жалованные плотники жили за Булакомъ, около Успенской

(1) Писц. кн. стр. 37.

церкви (см. стр. 47). Въ число пушкарей и стрѣльцовъ записаны были дриби Полоцкіе,—они жили на мѣстахъ и въ дворахъ бывшихъ стрѣльцовъ Третьяка Мертваго. (1) Drab значить на польскомъ языке «пѣшій солдатъ», слѣдовательно дриби были польскіе солдаты изъ числа пѣшихъ или добровольно перешедшихъ къ намъ польскихъ жолнеровъ. Вообще русскіе были, какъ видно, не большие мастера стрѣлять изъ орудій. При первой осадѣ Смоленска въ началѣ XVI вѣка наша артиллериа дѣйствовала очень плохо, отчего крѣпость не была взята; потому князь Глинскій рѣшился выписать изъ Богеміи многихъ ратныхъ людей. Новая осада Смоленска въ 1514-мъ году показало преимущество иностраннѣхъ артиллериистовъ; русская артиллериа засыпала городъ ядрами большими и мелкими. Между артиллериистами особенно славился пушкарь Стѣфанъ; отъ дѣйствія его орудій «падали городскія стѣны, а люди—толпами; Смоленскъ скоро сдался. Вотъ почему Грозный, добывши подъ Полоцкомъ иностраннѣхъ жолнеровъ, тотчасъ же снабдилъ ими Казань.

Вся эта разнообразная прислуга при *народѣ* (т. е. при артиллериї) дѣлилась на отряды, и имѣла особыхъ головъ и сотниковъ. Въ мирное время артиллериа прислуга занимала различныя крѣпостныя и гарнизонныя должности. Къ пушкарямъ причислялись воротники, служившие собственно караульными въ крѣпостяхъ и никогда не участвовавшіе въ походахъ. Всѣ эти чины получали хлѣбное жалованье отъ казны и могли заниматься ремеслами и торговлей точно также, какъ и стрѣльцы. При Грозномъ служба артил. прислуги, какъ и служба стрѣльцовъ, сдѣлалась пожизненною и переходила отъ отцовъ въ дѣтей. Въ Спас. Синодикѣ вписаны роды пушкарей и между ними родъ пушкаря Самопальника.

Для стрѣльбы изъ орудій и ружей, въ Казани въ XVI вѣкѣ выдѣлывался порохъ, который тогда назывался зельемъ. Такъ онъ называется еще въ XVII в. въ издан-

---

(1) «И дриби полоцкіе, которые люда присланы съ Москвою, а написаны на Государеву службу въ пушкари и стрѣльцы». (Писц. книга стр. 43).

номъ при Михаилѣ Феодоровичѣ уставѣ (*Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей*). Въ послѣдствіи времени русскіе приняли отъ Поляковъ или отъ Богемцевъ название *роch*, сходное съ древне-славянскимъ *пражъ* и отсюда порохъ, пыль; потому что тогда порохъ былъ въ видѣ порошка, мелкій а не зернистый. Зеленый дворъ стоялъ за Булакомъ. «За Булакомъ, сказано въ Писцовой книгѣ (стр. 36), въ Преображенской слободѣ Государевъ Царя и Великаго Князя дворъ Зеленый. А на дворѣ хоромъ: анбаръ дощаный въ длину 10 саж., а поперегъ 7 саж., а дѣлаютъ въ немъ сльру горячую и зелье и нефть перепускаютъ, да на дворѣ-жъ избы и двѣ клѣти, одна дощаная.» Нефть употреблялась для обливанія нападающихъ, во время приступа и для зажигательныхъ снарядовъ. Въ артил. складахъ въ Кремль показано значительное число котловъ, хранившихся для этой цѣли. Курбскій говорить, что, когда воеводы съ своими отрядами пошли на приступъ съ сѣверной стороны Казани, тогда татары «вары кипящими начаша на насъ лити». (1) Порохъ дѣлался въ видѣ пороховой мякоти: только около половины XVI вѣка начинаютъ уѣ Европѣ, а за тѣмъ и у насъ выдѣлывать зернистый порохъ, что придало ему известную долю силы, а самимъ снарядамъ дальность полета и надлежащую силу удара, для разрушения поражаемаго снарядомъ предмета. Замѣчательно, что въ XVI столѣтіи порохъ иногда выдѣлывали сами горожане по домамъ. Въ 1545 году велико было собрать съ Новгородскихъ посадовъ 2000 человѣкъ пищальниковъ и снабдить каждого изъ нихъ зельемъ, по 12-ти гринекъ безменныхъ, да дать по стольку-же свинцу на ядра. «Которые люди при этомъ объявить, что имъ зелья добыть нельзя, къ тѣмъ послать мастеровъ ямчужныхъ (т. е. селитряныхъ) и пищальниковъ указать имъ, какъ варить зелье. (2) Такое неосторожное обращеніе съ порохомъ въ XVI вѣкѣ доказываетъ его плохую воспламеняемость. Въ Казани въ Кремль порохъ также хранился въ различныхъ зданіяхъ посреди жилыхъ строеній, а по-

(1) Курб. стр. 36.

(2) Акты Арх. Эксп. I. № 218 225.

роховой заводъ стоялъ въ населенной слободѣ. Въ роютно, на Зеленомъ дворѣ приготавляли и воспламенительные составы, для зажжения непріятельскихъ строений. Въ одномъ складѣ, въ большой конторѣ противъ Благовѣщ. Собора, по Писцовой книгѣ хранилась бочка зелья, спускъ новой на воинныя стрѣлы, въ 5 пудъ. По всей вѣроятности, здѣсь разумѣются стрѣлы съ огненными шарами или такъ называемые *филаринки*, употреблявшіеся для зажиганія полисадовъ и тына, а также деревянныхъ стѣнь. Порохъ приготавлялся на заводѣ двоякаго рода: пушечный и ружейный. Въ конторѣ у Царева двора хранилось *ружнаю зелья, новаго передѣла*, бочка. Въ этомъ же складѣ хранились различныя орудія, употреблявшіяся при зеленомъ дѣлѣ, напр. таганы мѣдные и желѣзные, котлы для перепуска сѣры и селитры, сита зеленныя, широкіе молоты и другія вещи. (стр. 8-я)

Наконецъ въ числѣ Казанскихъ жителей были служилые татары или, какъ ихъ тогда называли, *новокрещены*. Въ Писцовой книгѣ помѣчено: «да новокрещенскихъ и толмачихъ и служилыхъ татарь 40 дворовъ.» Тотчасъ-же по взятии Казани и покореніи Казанскаго царства Русское Правительство поспѣшило образовать иррегулярную конницу изъ татаръ, въ виду ихъ способности къ верховой Ѣздѣ и развѣздной службѣ, а также умѣпью наносить непріятелю стремительныя кавалерійскія атаки. Стольникъ Чемодановъ, Ѣздившій посланикомъ въ 1657 году въ Венецианскую республику, такъ разсказывалъ Венецианцамъ про русское войско: «А низовая сила Казанская, Астраханская у Его Царскаго Величества собирается многая неисчислимая рать и боятся конные лучныи боемъ. А большаго и меньшаго Ногай татарове боятся лучныи же боемъ... На которое мѣсто не прїѣдутъ никакие полки противъ нихъ не устоять. То у Великаго Государя нашего и строеніе.» Во время осады Казани съ обѣихъ сторонъ употреблялись стрѣлы и луки.⁽¹⁾ Въ походахъ Грознаго въ большихъ массахъ за пѣхотой слѣдовала Казанская конница, подъ непосредственнымъ начальствомъ русскихъ бояръ. Въ 7085 году, во время

(1) Царст. книга. 272 стр.

Ливонского похода, у Свіяжскихъ татаръ головою былъ князь Иванъ Михайловичъ Чермвый-Боратинской, а у Казанскихъ Никиф. Павл. Чепчуговъ.⁽¹⁾ Татарское войско обыкновенно въ походахъ отличалось склонностью къ грабежу и жестокостями; впрочемъ въ то время подобные качества войска не считались предосудительными: непріятельская земля заранѣе обрекалась на всевозможныя кары. Но плохо было со стороны татарскихъ витязей то, что они не умѣли отличать друга отъ недруга, когда у нихъ расходится рука. Изъ челобитной, поданной Михаилу Феодоровичу Кирилломъ игуменомъ и братию Вологодского Спасскаго Прилуцкаго монастыря, ⁽²⁾ видно, что Касимовскіе татары, подъ предводительствомъ царя ихъ Арслана, вмѣсто защиты края отъ Польскихъ и воровскихъ шаекъ жителей Вологодского края грабили монастыри, пищали крестьянъ, вымучивали у нихъ деньги, вѣшая для этого людей вверхъ ногами, безъ рубашекъ сажая въ подполь, отчего люди умирали или заболевали па смерть.» Впрочемъ было много служилыхъ татаръ, которые своей боевой службой приобрѣтали право на вознагражденіе землями. ⁽³⁾

~~~~~
V.

Казавскій Кремль въ XVI вѣкѣ: городскія стѣны и ворота, Спасская башня съ церковью Спаса-Нерукотвореннаго, Царскій дворецъ, Спасо-Преображенскій монастырь, Соборъ Благовѣщенскій и прочія церкви кремлевскія, дворъ Архіепископа, Сумбекина башня и старый ханскій дворъ.

Мы говорили выше, что въ Писцовой книгѣ XVI в. первые листы, на которыхъ находилось описание Казанскаго Кремля, утрачены; потому возстановить очертаніе Кремля

(1) Рус. Древ. Виол. изд. 2-е XIV, 351 и сл.

(2) Акт. Археогр. Эксп. т. III, стр. 11—19.

(3) Акты историч. и юридич. собр. Мельникова. Т. I. №№ V, VI, VII, X, XI, XXVIII, XLVI и др.